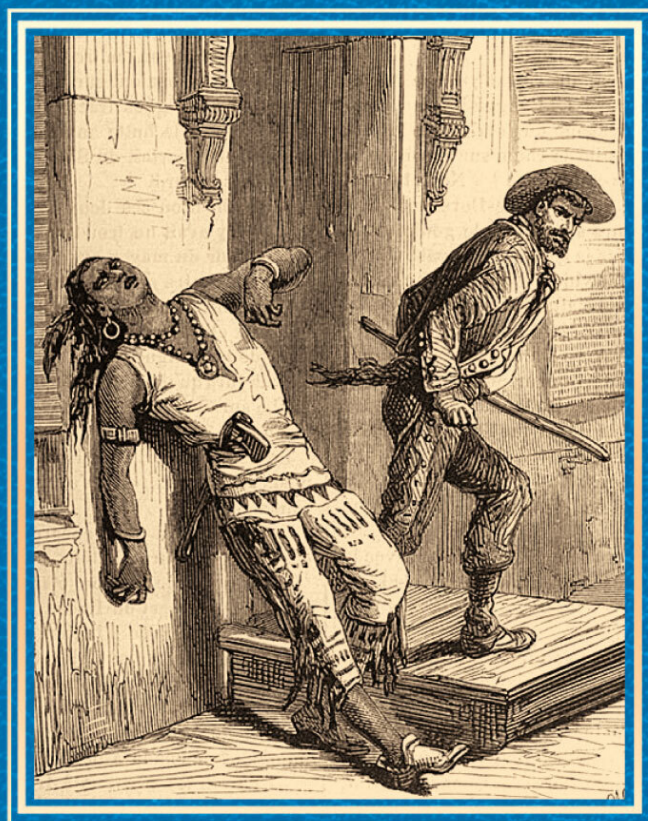

Поль Феваль

Золотые ножи

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Поль Феваль

Золотые ножи. Вечера у маркизы

«ВЕЧЕ»

1856, 1864

УДК 821.133.1-311.3

ББК 84(4Фр)

Феваль П.

Золотые ножи. Вечера у маркизы / П. Феваль — «ВЕЧЕ», 1856, 1864 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-3876-9

В середине XIX века мир по обе стороны Атлантики охватило безумие. Авантюристы и пилигримы всех мастей, готовые жить и питаться как и чем попало, неудержимым потоком хлынули из Европы в Северную Америку. Золотая лихорадка опалила сердца и души. Но некоторые обогащались и возвращались домой, не подозревая, что тени прошлого следуют за ними по пятам, подобно индейцу, ступившему на тропу войны. Очередной том «Мастеров приключений» являет своим читателям новые грани таланта Поля Феваля, сменившего плащ и шпагу на карабин и томагавк. Роман-вестерн «Золотые ножи» дополняет серия новелл «Вечера у маркизы». В доме прекрасной маркизы (чье настоящее имя писатель раскрыл лишь 20 лет спустя после первой публикации) собирались интересные люди – Бальзак, Шатобриан, Талейран, Шарль Нодье... И всегда рассказывали увлекательные истории. Одна из них – «Месье и мадам Дени» – редчайшая в наследии Феваля (не переиздавалась почти два столетия даже во Франции). История чудесная, непредсказуемая, напоминающая рассказы великих юмористов XX века. Попробуйте – не пожалеете! Вся серия новелл публикуется на русском языке впервые, а роман – впервые в полном объеме и совершенно новом переводе. Издание украшают иллюстрации Гюстава Доре и других мастеров книжной графики.

УДК 821.133.1-311.3

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-4484-3876-9

© Феваль П., 1856, 1864

© ВЕЧЕ, 1856, 1864

Содержание

Золотые ножи	7
I	7
II	15
III	23
IV	31
V	40
VI	49
VII	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Феваль Поль Золотые ножи Вечера у маркизы

© Мерзон Л.И., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Вече“», 2026

Иллюстраторы: Гюстав Доре, Орас Каstellи и др.

Золотые ножи

I Сочельник у маркизы

В малой гостиной особняка семейства Буатрюдан гости танцевали под фортепьяно. Отмечали Рождество 1849 года. Было уже поздно. В будуаре маркизы собралось так много гостей, что некуда было ступить. Танцы под фортепьяно бывают милыми, а бывают страшно скучными. Постепенно малая гостиная опустела, поскольку гости перебрались в будуар, где не играли и не танцевали.

По ряду причин мы не можем назвать то место, где расположен этот изысканный и изящный особняк, опоясанный садом, спускающимся к Сене. Мы осмелимся лишь намекнуть, что он стоит в ряду известных небольших дворцов, окна которых выходят на террасу, расположен-

ную на противоположном берегу реки, и из них одновременно открывается вид на Елисейские Поля, сад Тюильри и королевский замок, одна из сторон которого смотрит на великолепный ансамбль Лувра, а другая – на роскошную буржуазную улицу Риволи.

В мире имеется немало величественных и прекрасных мест, но именно Париж, как ни один другой город, поражает своим величием и красотой.

В ту ночь набережная Орсе, вдоль которой по причине гололеда специально протянули канаты, была покрыта белоснежной изморозью. Образовавшийся иней будто намеренно подчеркнул греческие пропорции и архитектурные детали особняка семейства Буатрюдан, построенного во времена Людовика XIV. В сгущавшихся сумерках могло показаться, что по каждому карнизу прошла смелая кисть талантливого мастера. Припорошенные снегом ветки деревьев образовали кружевной узор с крупными просветами, и сквозь них слабо мерцали едва освещенные окна фасада. В тишине, нарушаемой негромким скрежетом плывущих по реке льдин, приглушенно звучала бойкая музыка кадрили.

В такие ночи у людей бедных и одиноких обостряется чувство тоски, но до чего же счастливы те, кому посчастливилось проводить холодные вечера под ярким светом люстр в атмосфере тепла и благоухания!

В проеме одной из дверей, сделанных в ограде особняка, – самой бесполезной из всех дверей, коими оснащаются все особняки, сады которых выходят на набережную, – примостился человек, плотно завернувшийся в простой серый плед. Такие двери именуются «кучерскими», и перед ними обычно располагаются экипажи, дожидаящиеся своих хозяев. Кучерская дверь особняка семейства Буатрюдан выходила на улицу Лилль.

Человек спал, подложив под голову обе руки. Плед, которым он был укрыт, заканчивался капюшоном, почти полностью скрывавшим его лицо. Однако в отраженном от снега свете можно было разглядеть изможденное загорелое лицо, прикрытое длинной прядью курчавых волос.

В свое время госпожа маркиза де Буатрюдан унаследовала весьма крупное состояние. У нее имелась единственная дочь, занимавшая видное место в ряду богатых наследниц Сен-Жерменского предместья. Элен де Буатрюдан недавно исполнилось двадцать лет, и она была прекрасна, как ангел. Месяц назад состоялась ее помолвка с виконтом Анри де Вилье.

Маркиза состояла в дальнем родстве с виконтом, которого она знала с детских лет. В свое время покойный маркиз де Буатрюдан, занимавший пост государственного секретаря при Карле X, являлся опекуном Анри. Семейство виконта не уступало в знатности семейству маркизы. Что же касается его состояния, то виконт, едва окунувшись в светскую жизнь, сразу прослыл человеком расточительным. Злые языки утверждали, что он полностью разорился, однако, по возвращении из дальних странствий, виконт мгновенно выкупил все свое заложенное имущество и теперь считался весьма достойным женихом.

Виконт Анри уже отметил тридцатилетие, но из-за темного цвета лица, на котором ясно читались следы усталости от жизни, он выглядел старше своих лет. Виконт был красив и неизменно элегантен. О его безусловной отваге свидетельствовали дуэли, в которых ему приходилось участвовать, а также слухи о приключениях, которые он пережил в ходе своих странствий. Кроме того, виконт был человеком светским и весьма остроумным. За те шесть месяцев, что по возвращении из путешествий он прожил в Париже, ни один другой виконт не смог оспорить его общепризнанный титул законодателя мод.

Едва увидев свою кузину Элен, он без памяти в нее влюбился. Элен, в свою очередь, навела о нем справки, после чего объявила, что ничего не имеет против того, чтобы стать его женой.

Что привлекло ее в виконте, спросите вы? Ответить на этот вопрос не так просто. Вместо ответа я задам вам встречный вопрос, который наверняка поставит вас в тупик: в каком

хранилище исторических документов сто пятьдесят тысяч виконтов, заполонивших парижские мостовые, отыскиали свои дворянские грамоты?

Так вот, от остальных виконтов наш виконт отличался, как небо от земли. Дворянский герб виконта де Вилье красовался в Зале крестовых походов Версаля, вследствие чего прекрасная Элен была почти уверена, что обожает своего жениха.

В тот вечер Элен находилась в гостиной, а Анри безраздельно завладел вниманием гостей в будуаре. Пока Элен из последних сил пыталась подбодрить танцоров, Анри, сидя у пылающего камина, с успехом развлекал гостей. Каждый раз, когда умолкали трели фортепьяно, в гостиную проникал звучный голос виконта. Те танцующие пары, что находились ближе к двери, ловили на лету каждое сказанное им слово. В результате они загорались интересом и покидали гостиную, обещая вернуться, да так и оставались в будуаре.

Все наши попытки отыскать достойные эпитеты, чтобы восхвалить красноречие виконта, оказались, увы, безрезультатными.

И вот наступил момент, когда в гостиной остались лишь четыре пары танцоров, то есть ровно столько, чтобы можно было составить кадрили. Покончив с кадрилию, танцоры, нехотя подпрыгивая, уныло сплясали польку, после чего фортепьяно умолкло.

Ну а затем Элен в глубокой задумчивости присела на канапе.

Мне неизвестно, почему Элен оказалась единственной, кого в тот вечер не привлекли речи виконта.

Светловолосая и гармонично сложенная Элен казалась очень хрупкой. Каждая черта ее лица поражала своей утонченностью, в особенности рот, украшением которого служила улыбка, приоткрывавшая два ряда ослепительных жемчужно-белых зубов. Ее голубые глаза отливали темной синевою, отчего казались практически черными. Росту она была высокого, а когда минуту назад Элен сидела за фортепьяно, вам непременно бросились бы в глаза ее восхитительно тонкие маленькие руки потрясающей белизны. К этому добавим, что никогда еще столь крохотные ножки не ступали по коврам нашего благородного предместья. В общем, по единодушному мнению парижского света, Элен была истинным эталоном красоты, а глядя на ее умное и доброе лицо, каждый понимал, что помимо красоты она обладает многими прочими достоинствами.

И все же хотелось бы знать, почему она впала в задумчивость в то время, как виконт понапрасну пытался отыскать ее среди замороженных им слушателей?

Каковы должны быть причины, чтобы девушка погрузилась в раздумья?

Буквально только что, когда гостиная еще была полна танцоров, фортепьяно внезапно споткнулось и зазвучала совсем другая музыка. Вместо отрывистой мелодии, под которую смеются фигуры кадрили, послышались звуки немецкого вальса, наполнившие воздух гостиной нежными гармоничными вибрациями. И сразу возникло ощущение, что поток возвышенной поэзии хлынул в стоячую заводь скучной прозы. В этой мощно звучащей музыке скрывалась некая таинственная и пленительная драма: улыбка, за которой прячется разочарование, робкая надежда, дающая утешение отчаявшемуся сердцу, очарование и аромат любовного томления...

Однако Элен не стала танцевать. Она только слушала целиком захватившую ее музыку. Вот почему Элен впала в задумчивость.

Акомпанировал танцорам незнакомый Элен молодой человек. Его буквально за руку привел старый друг дома генерал О'Брайен. Элен заметила, что, войдя в гостиную, молодой человек сразу оробел и замкнулся в себе. Генерал поцеловал руку Элен. Увидев это, незнакомец отвел взгляд, но его бледные щеки покрыл едва заметный румянец.

Со стороны могло показаться, что, взглянув на Элен, он испытал болезненное и одновременно сладостное чувство. Девушка услышала, как он шепнул на ухо генералу:

– Это она!

Генерал утвердительно кивнул седой головой.

Незнакомец побледнел и застыл, как изваяние. Через некоторое время он тихо произнес, словно обращаясь к самому себе:

– Я узнал бы ее среди тысячи юных дев.

Генерал, продолжая держать незнакомца за руку, направился к маркизе и представил молодого человека как Джорджа Лесли. Маркиза оказала юноше самый теплый прием, избрав для общения с ним несколько покровительственный тон.

Случается, что некоторые имена неотвязно звучат в вашем сознании. Так происходит с докучливым музыкальным мотивом, который вы, помимо собственной воли, день-деньской напеваете про себя. Вот и Элен в течение вечера несколько раз с удивлением отметила про себя, что она непроизвольно шепчет это имя – Джордж Лесли.

Однако взглянула она на него лишь в тот момент, когда фортепьяно, внезапно воодушевившись, заиграло вальс Вебера. Элен вскинула взгляд и, словно впервые, увидела за фортепьяно Джорджа Лесли. Казалось, она ждала этого момента.

Сидя на канаве, она могла одновременно видеть Джорджа Лесли и своего жениха Анри де Вилье, причем Анри она видела не напрямую, а лишь его отражение в зеркале. Различие между этими двумя мужчинами было настолько очевидным, что девушка невольно стала сравнивать их между собой.

Анри отличался высоким ростом, а каждое его движение было настолько грациозным, что стоило лишь взглянуть на него, чтобы сразу понять, что перед вами истинный светский лев. Бронзовый загар, приобретенный им за время путешествий и покрывший правильные и изящные черты его лица, нисколько не лишал виконта некоего не до конца разъясненного свойства, которое именуется *изысканностью*. Заключается это свойство в том, что его обладатель полностью подходит под описание как театрального героя любовника, так и героя модного романа. Можно даже сказать, что *изысканность* – это своего рода антифраза¹, и она сродни ироническому прозвищу *добрые богини*, которое люди из страха давали античным фуриям. Самым главным признаком вожденной изысканности является бледность лица. Этим качеством виконт Анри обладал в полной мере. Кроме того, он обладал орлиным профилем и живыми блестящими и невероятно выразительными глазами. Речь его была плавной и цветистой, голос был внушительным, а осанка величавой. Высокий лоб обрамляли небрежно уложенные волосы. Среди сотен баронесс любого возраста, проживающих в любом уголке Франции, вы не найдете ни одной, которая не назвала бы виконта Анри очаровательным кавалером.

Элен, как и все светские барышни, находила его обольстительным и красивым. Мысль о том, что она станет его женой, внушала ей чувство осмысленной радости, к которому примешивалась невольная гордость. При этом она уверенно отмечала про себя: «Несомненно, это и есть любовь...»

Что касается человека, исполнявшего вальс, то глядя на него, сразу создавалось впечатление, что в своей черной одежде он чувствует себя довольно скованно, а повязанный белый галстук слишком сильно стягивает его на удивление мощную шею. Плечи у него были широкие, руки красивые, но до того сильные, что оставалось только удивляться невероятной нежности его музицирования. В его лице с резкими выразительными чертами не было и намека на *изысканность*, присущую лицу Анри. Бросались в глаза широкий круто вздымающийся лоб и огромная голова, покрытая густой шапкой торчащих в разные стороны волос. Такие мощные головы были характерны для исторических персонажей эпохи Кромвеля, и даже напрашивалась мысль, что именно они послужили натурщиками, с которых лепили ту часть головы Джорджа Лесли, что идет от бровей до макушки. Что же касается линии его бровей, то она

¹ Иносказание. Риторическая фигура, состоящая в употреблении слов в смысле, прямо противоположном их настоящему значению. У такого употребления, как правило, имеется иронический подтекст. Например, труса называют героем. – *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания переводчика.*

была столь плавно и нежно изогнута, что прекрасно подошла бы к женским глазам, излучающим чистый прозрачный взгляд. У него были большие глаза, довольно глубоко посаженные, но изящно расположенные на лице, причем их взгляд не прорывался наружу, а задерживался где-то внутри, не покидая зрачков.

У заклинателей змей часто встречаются такие глубоко посаженные тусклые глаза.

Скулы под его глазами довольно заметно выпирали. Нос был прямой с несколько вздернутыми крыльями, словно вышедший из-под резца греческого скульптора. Небольшой небрежно нарисованный рот выделялся благодаря утолщенной нижней губе, а выступающий вперед подбородок придавал лицу удивительную мощь, свидетельствующую об отваге и несгибаемой воле молодого человека.

Как вы понимаете, красавица Элен, в отличие от нас, не подвергала оба лица столь же детальному анализу. Свое впечатление о них она сформулировала так: «Представить себе невозможно, чтобы два высоких, молодых и красивых человека могли до такой степени различаться внешне, как различаются между собой виконт Анри де Вилье и господин Джордж Лесли».

Именно такая мысль родилась в ее голове в то время, как музыкант исполнял вальс.

Когда смолкли звуки вальса, в гостиной раздалась дружные и вполне заслуженные аплодисменты. И только руки Элен оставались в покое, хотя с ее стороны это было явным пренебрежением обязанностями хозяйки дома.

Когда же Джордж Лесли, страшно смущенный обрушившимися на него комплиментами, пробормотал: «Я когда-то занимался музыкой... но недолго...», Элен сочла, что такой ответ есть не что иное, как неуклюжая попытка скрыть собственное тщеславие. Подумав так, она сказала:

– Да он артист!

Сказано было жестоко. Кроме того, после этих слов мы уже никогда не поймем, о чем, сидя в гостиной, размышляла в одиночестве красавица Элен, покинутая всеми танцорами.

Она еще долго сидела, погружившись в затаенные мысли, от которых ее внезапно отвлекли восклицания, донесшиеся из будуара.

– Будет вам! – утверждал чей-то уверенный голос. – Это уж слишком!..

– Чего только не позволяют себе путешественники! – вторил ему другой голос.

Все громко смеялись, и каждый говорил, не слушая собеседников.

Очнувшаяся от раздумий Элен не стала прислушиваться к доносившимся из будуара звукам. Она по-прежнему неподвижно сидела на канапе, словно впала в оцепенение. Затем, оглядевшись, она поняла, что вокруг никого нет и тут же заметила устремленный на нее взгляд Джорджа Лесли.

Элен почувствовала, как сжалось ее сердце, в душу проникло неясное беспокойство, и она сильно побледнела. В свою очередь Джордж Лесли покраснел и быстро отвернулся.

Он стоял прямо напротив Элен, прислонившись к косяку двери, отделявшей гостиную от будуара.

Элен вскочила на ноги. Она была сконфужена и сердилась на себя за то, что поддавалась нахлынувшим на нее чувствам. Ну а когда она поняла, что путь в будуар проходит совсем близко от Джорджа, бледность ее щек сменилась пунцовым румянцем. Джордж не смотрел в сторону Элен, но явно угадывал ее местоположение. Во всяком случае, он развернулся и поклонился в ее сторону, проделав это со всей неловкостью недавнего выпускника коллежа, после чего растворился в толпе слушателей господина виконта.

Элен направилась к матери, которая и не заметила ее отсутствия. Увидев ее, Анри де Вилье сказал:

– Дорогая кузина, хотелось бы знать, разделяете ли вы всеобщее недоверие?

Надо сказать, что этих очаровательных девушек, которые, казалось бы, совсем недавно играли в куклы и бормотали что-то неразборчивое, совершенно невозможно заставить врасплох.

– Дорогой кузен, – ответила Элен, – когда мама разрешила мне читать Вальтера Скотта, он так меня захватил, что я даже не задумывалась о том, насколько реальны или вымышлены описанные им приключения.

Виконт поклонился. В этот момент Джордж Лесли облокотился о каминную полку. Услышав голос Элен, он вздрогнул и дотронулся рукой до лба. Рука его была холодной, а лоб пылал жаром.

– Я бы всю жизнь слушала нашего кузена, – убежденным тоном заявила маркиза де Буатрюдан. – Кто еще способен рассказывать такие истории?

– Виконту де Вилье следовало бы опубликовать их, – заметил некий виконт, успевший напечатать несколько пустяшных стихотворений в журнале «Ла Мод». – Успех был бы оглушительный!

– Это было бы замечательно!

–Его истории выдержали бы двадцать переизданий, как и произведения господина д'Арленкура!²

Анри расплылся в горделивой улыбке.

– О своих путешествиях я рассказываю только близким друзьям, – сказал он. – Излагать их письменно – все равно, что вести диалог с читателем. Полагаю, что читательский мир слишком неоднороден, чтобы можно было вести с ним беседу.

Сказав это, он дал понять, что более не намерен демонстрировать ораторское искусство и уже собрался присесть, как тут же послышался гул неодобрения.

– Вот видите, кузен, – воскликнула маркиза, – все мы считаем, что вы не довели свой рассказ до конца.

– Мы хотим услышать историю, виконт! – потребовали присутствующие женщины.

– Когда я рассказываю вам о том, что видел собственными глазами, – откликнулся де Вилье, – вы кричите, что это преувеличение и даже ложь!.. Все вы, парижане, такие. Все, что не связано с поездками в Висбаден или пребыванием в собственных поместьях, вы воспринимаете с естественным для вас недоверием...

–Это все от невежества,– с улыбкой перебила его некая виконтесса.– Считайте, что мы хором произнесли *mea culpa*³, только продолжайте ради Бога.

– Отныне мы будем верить каждому вашему слову, – хором заявили слушатели.

– Я бы чувствовал себя более уверенно, – заметил Анри, – если бы кто-нибудь взялся контролировать мое повествование... беда, правда, в том, что я рассказываю о никому не известных вещах...

– Не стоит клясться на ровном месте, виконт, – промолвил генерал О'Брайен, кладя ему руку на плечо.

–Ба, дорогой друг!– удивился де Вилье.– Вы тоже недавно посетили Зеленые горы⁴?

– Я знаю того, кто вернулся оттуда, – ответил генерал, – и говорю это по той причине, что его рассказы полностью совпадают с вашими.

– Как зовут вашего путешественника? – спросил виконт. При этом черты его лица заметно исказились.

² Виктор д'Арленкур (1788–1856) – французский поэт, историк и писатель. Его популярность в начале XIX века была так велика, что его называли «Принцем романтики», и единственным, кто мог оспорить у него в то время этот титул, был Виктор Гюго.

³ *Mea culpa* (лат. «моя вина») – формула покаяния и исповеди в религиозном обряде католиков.

⁴ Зеленые горы, Грин-Маунтинс – горный хребет в Северной Америке в штате Вермонт. Является частью Аппалачей. Протяженность порядка 400 км. С 1777 по 1791 г. существовала Республика Грин-Маунтинс, после чего Вермонт стал 14-м штатом США.

– Джордж Лесли, – ответил генерал.

Сидевшая рядом с матерью Элен живо обернулась и взглянула на Джорджа, который в тот момент неотрывно смотрел на виконта Анри. Джордж по-прежнему неподвижно стоял рядом с камином. Выражение его лица так странно изменилось, что у Элен даже рот раскрылся от удивления.

– Что вы говорите! – воскликнула маркиза. – Господин Лесли побывал в этих таинственных странах?.. Значит, он тоже расскажет нам о своих приключениях!..

Услышав имя Джорджа Лесли, виконт Анри облегченно вздохнул, словно опасался услышать какое-то другое имя. Он напустил на себя безразличный вид и, как и все, взглянул на незнакомца, но тот успел отвести взгляд.

– У меня не было никаких приключений, мадам, – ответил Джордж. – А если что и было, то об этом можно рассказать в двух словах. Я поехал туда в надежде отыскать золото, но ничего не нашел...

Эти слова он выговорил с трудом и явно смущаясь.

– Вот что значит судьба! – заметил виконт Анри. – Я ничего не искал, но обнаружил тонны золота.

Возникший было интерес к незнакомцу немедленно пропал. Все решили, что никто никого не должен контролировать. Путешественник путешественнику рознь. Этому парню, который после каждого произнесенного слова сильно краснел, сходу был вынесен не подлежащий обжалованию приговор. Маркиза отвернулась от него, а когда ее примеру последовала Элен, ее взгляд во второй раз натолкнулся на взгляд Джорджа Лесли. Она вздрогнула.

– Историю, требуем историю! – затянул хор любопытных виконтесс.

Анри спрятал руки за фалды своего черного фрака, дав тем самым понять, что готов продолжить свой рассказ. По будуару пронесся радостный вздох.

– Не передать словами, как я рад, что нашелся свидетель того, о чем я вам рассказываю, – сказал виконт Анри. – Позвольте спросить, господин Лесли, на какой стороне гор осуществлялись ваши поиски?

– На обеих сторонах, – ответил Джордж.

– На севере или на юге Сакраменто?

– На севере и на юге.

– Значит, везде?

– Везде.

Виконт Анри с улыбкой поклонился, расстегнул фрак и извлек из кармана что-то вроде кинжала в ножнах из грубо сплетенной соломы. Его черная роговая рукоятка была испещрена какими-то орнаментами.

– В таком случае, – сказал он, – господин Джордж Лесли должен знать, что это такое.

Джордж резко подался вперед, словно намеревался броситься на виконта, однако сдержался и холодно ответил:

– Это *голден-даггер*⁵.

Анри вытащил нож из ножен. На его широком и остром стальном лезвии были вытравлены золотые узоры. Крестовина ножа была изготовлена из цельного куска золота. Со всех сторон раздались восклицания:

– Покажите! Покажите!

Анри передал нож маркизе, и она пустила его по рукам. Когда дошла очередь до Джорджа, он внимательно рассмотрел его и сказал:

– Это голден-даггер предводителя.

⁵ Golden-dagger – золотой нож (англ.).

Голос молодого человека звучал абсолютно спокойно. Никто не обратил внимания на смертельную бледность, покрывшую его щеки.

– Что такое голден-даггер? – спросила маркиза.

– Как вы видите, – ответил Анри, – это золотой нож... Люди, пользующиеся этим оружием, называются львами...

– Львами и тиграми!.. – прошептал Джордж.

– Считается, что это коготь льва, – проговорил Анри, принимая нож из рук генерала. – Я расскажу вам, как я вырвал у льва этот коготь.

II Господин Бенуа

В будуаре наступила мертвая тишина. Джордж Лесли прислонился к косяку двери и скрестил руки на груди.

Виконт начал свой рассказ

– Впервые я услышал о *golden-fever*...

– Извольте говорить по-французски, – перебила его маркиза. – Что значит *golden-fever*?..

– Золотая лихорадка.

– Выходит, в этой стране все сделано из золота! – разом воскликнули три умника, удивленные тем, что они одновременно оказались в одной гостиной.

– Большое спасибо, кузен, – сказала маркиза. – Продолжайте, я вас слушаю.

– Впервые я услышал о золотой лихорадке, – сказал виконт, – когда охотился на бизонов по ту сторону Аллеганских гор в северной части провинции Онтарио. Это невероятно красивая земля! У Купера вы найдете великолепные описания этих мест, но в действительности они гораздо красивее, чем их описал Купер.

Я покинул Балтимор за две недели до начала охоты и собирался вернуться только с началом сезона дождей. В эти места я направился не только для собственного удовольствия, но и из соображений экономии. По моим прикидкам, если бы я смог прожить, питаясь святым духом, то за шесть лет мне бы удалось залатать все дыры, образовавшиеся в моем состоянии. Вот вы улыбаетесь, генерал, а я рекомендую вам именно этот способ добычи золота, как весьма многообещающий даже в сравнении с калифорнийским золотым дном и более эффективный, чем все промывочные машины. Один француз рассказал нам о фантастических россыпях золота, о зарождении Сан-Франциско, который возник прямо из-под земли, как только эта благословенная земля была освобождена от мексиканского владычества, о головокружительных состояниях, приобретенных на берегах реки Сакраменто, и о безумии, одновременно охватившем Америку и Европу. Звали этого француза Бенуа Луэн. Он был родом из коммуны Монмартр, примыкающей к Парижу. Я нанял его в местах золотодобычи, и он прослужил у меня целых полтора года. Теперь он сделался солидным буржуа, проживает в своем родном Монмартре и приобрел в собственность все дома на улице Сен-Дени, которые сдает любителям свежего воздуха. Во времена, о которых идет речь, это был неплохой парень, хотя и плут, ну а сейчас, я полагаю, он вполне успешно освоил ремесло домовладельца и достиг немалых успехов на этом поприще.

Бенуа зарабатывал на пропитание тем, что охотился на бобров на берегах реки Святого Лаврентия. По правде говоря, это не очень прибыльное занятие. Как только я объявил, что собираюсь посетить Орегон, Сонору⁶, мексиканскую границу и еще много разных мест, он немедленно изрек:

– В этих местах, сударь, вы не сможете обойтись без слуги... После того как мне пришлось покинуть Францию, я оказался неподалеку от форта Сури и там нанялся в услужение к одному канадскому генералу... Если желаете получить у генерала консультацию, то знайте, что теперь он проживает за рекой Олбани в Новой Галлии⁷...

Чтобы добраться до генерала, пришлось бы преодолеть расстояние в несколько сот лье. Я на всякий случай проявил бдительность и поинтересовался, что заставило его покинуть нашу милую Францию. Он улыбнулся и ответил:

⁶ Штат на севере Мексики.

⁷ Первые поселенцы называли освоенные ими прибрежные районы Канады Новой Францией или Новой Галлией.

– На этом чертовом диком Западе полезно иметь при себе человека, знакомого с многими ремеслами...

В итоге я принял его предложение. Свои обязанности Бенуа выполнял более или менее добросовестно, а заодно он насобирал по дороге много маленьких кусочков золота (среди них попадались и золотые монеты), на которые впоследствии приобрел свои монмартрские хибары. Это был по-настоящему смелый парень и к тому же ловчила, врун и мошенник. В том путешествии, что я предпринял, любой другой слуга был бы совершенно бесполезен.

Поинтересуйтесь у господина Джорджа Лесли, дамы, и он вам расскажет, сколь плачевно выглядели бы ваши камердинеры в этой адской стране...

– Во время путешествий у меня никогда не было камердинера, – мягко отозвался Джордж.

Что касается дам, то они были слишком благородны от рождения, чтобы позволить себе улыбнуться. От них лишь повеяло ледяным холодом, а виконт тем временем продолжал:

– Как вы сами понимаете, на запад меня влекло отнюдь не страстное желание забраться в местные речушки и насобирать там побольше золотых камушков. Я вовсе не презираю золото, Боже упаси! Но штука в том, что доверчивость давно уже перестала быть моим главным недостатком. Оттого-то я не очень верил всяким рассказам, которые так и сыпались со всех сторон. Соблазнился я совсем другим. Мне хотелось стать свидетелем той драмы, что разыгрывается в западной части Американского континента, действующими лицами в которой являются всякие психи и злодеи всех мастей. Я хотел своими глазами увидеть эту пляску смерти, которую исполняют в наши дни. Ее отплясывают дети, молодые люди, зрелые мужчины, старики, женщины, священники... Я, кстати, немало наслушался рассказов о пастырях, забросивших свои приходы и отправившихся на поиски золотых самородков. Я хотел увидеть, как эти обезумевшие люди ныряют в реки, скребут пальцами землю, мучаются от голода и жажды, работают день и ночь, страдают, бурно радуются, впадают в мистическую экзальтацию, а окончательно потеряв голову, обращают к небу бешеные вопли: «Золото! Золото! Золото!»

Подобные оргии происходят нечасто. Когда-то потеряли голову испанцы, добравшиеся до Эльдorado. В Париже во времена пройдохи Лоу⁸ на улице Кенкампуа бесновались впавшие в истерику французы. Вам, конечно, знакома история графа де Орна, кузена регента Филиппа Орлеанского, который убил в забегаловке на улице Вениз пьяного от радости биржевого спекулянта и завладел его кошельком. Подобные проявления вызывают у меня большой интерес. Я вообще любитель трагедий, которые разыгрываются не на сцене, а в жизни.

Мне рассказывали о битвах эпического масштаба, когда озверелые толпы вооруженных кирками людей набрасывались друг на друга, оскверняя своими воплями молчаливые безлюдные пространства. Я потратил немало времени, пытаюсь отыскать в Аллеганских горах и на берегах озер дикие индейские племена, но все усилия оказались напрасны. В итоге я отыскал их на западе. Это очень своеобразный мир, в котором обычай имеет силу закона, а справедливость восстанавливается с помощью ножа или карабина. В этом мире царят отвага, не уступающая рыцарской доблести, и подлость, замешанная на алчности. Тот мир ставит во главу угла воинствующий материализм, в котором смешались порок и добродетель, золото и кровь.

Бенуа продал свою лачугу и бобровые шкуры охотнику из прерий, и мы уехали в Балтимор, где я намеревался приобрести экипировку для большого путешествия. Наконец наступило чудесное осеннее утро, и мы отправились в путь. Помню, что солнце вставало за мысом Чарльза, который закрывает вход в Чесапикский залив. Поначалу мы ехали верхом. Не доезжая до реки Потомак, я обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на большой густонаселенный

⁸ Джон Лоу (1671–1729) – шотландский финансист, который в начале XVIII века пытался ввести во Франции бумажные деньги и развернуть с их помощью ажиотажную торговлю акциями основанной им «Компании Миссисипи», которая получила монопольное право на торговлю с французскими колониями в Северной Америке. Его деятельность привела к одному из самых масштабных финансовых кризисов в истории Франции.

город, залитый солнечным светом. По реке плыли колесные пароходы. Повсюду сновали локомотивы, чередовавшие короткие гудки с пронзительным оглушающим ревом.

– Когда переберемся через горы, – сказал Бенуа, – нас уже не будет беспокоить этот шум.

Бенуа стремился поскорее сбежать из цивилизации. Им овладела жажда странствий и приключений.

Вечером следующего дня мы добрались до Мариетты, где намеревались сесть на пароход, чтобы попасть в Огайо, а затем поплыть вверх по Миссури до Грандетура и безостановочно пересечь большую часть континента. Пароход был забит простыми людьми, ехавшими на поиски счастья в Калифорнию. Все эти американские Язоны только и говорили, что о Колхиде, и каждый мечтал отыскать там золотое руно. Путешествие на пароходе стало комическим прологом к захватывающей драме, свидетелями которой нам вскоре предстояло стать. Многие эмигранты были преисполнены величественных планов, и все как один оказались неисправимыми выдумщиками с мозгами набекрень. Примерно каждый третий из них прежде занимался мелкой торговлей. Попадались весьма колоритные типы, запечатлеть которых был бы рад любой художник. Я ничуть не преувеличиваю, когда утверждаю, что каждый пассажир был автором самого надежного способа поиска золота. Разумеется, никто не собирался раскрывать свои секреты, но многие были бы рады поскорее их продать. Многие везли с собой большие надежно заколоченные ящики, в которых хранились изобретенные ими промывочные устройства, машины для просеивания песка, дробилки, миксеры, сушилки.

Мне запомнился один галантерейщик из Филадельфии. Он вез волшебную буссоль, которая начинала трястись, как только ее клали на золоторудную породу.

Славный галантерейщик был готов отдать свой прибор за миллион долларов. Эти деньги были ему нужны, чтобы избавить свою семью от нищеты.

Однажды вечером Бенуа сказал:

– Мне бы хотелось сшибить доллар-другой прямо на пароходе. Надеюсь, сударь, вы не будете возражать.

– Если только вы заработаете их честным путем, – ответил я.

Бенуа поклялся всеми святыми, что любое незаконное обогащение вызывает у него панический ужас.

После этого он установил свойские отношения с начальником матросского камбуза и принялся скупать у него все пустые бутылки. Вскоре моя каюта была до потолка заполнена бутылками, а когда я спросил, что он собирается с ними делать, Бенуа с улыбкой ответил:

– Я же говорил вам, что собираюсь заработать здесь доллар-другой... Скоро вы все поймете!

Через какое-то время я заметил, что мой слуга стал объектом всеобщего внимания. Я даже слышал, как один пассажир шептал другому:

– Говорят, что лакею джентльмена известен способ... Этот способ действует наверняка!

Иногда перед отходом ко сну я садился напротив планширя и любовался широкой рекой, по которой наш пароход скользил, словно гигантские сани, летящие по льду. После того как все пассажиры расходились по каютам, и на палубе оставались только вахтенная команда и рулевой, Бенуа частенько покидал свой закуток и выходил подышать свежим воздухом. Вдыхая речной воздух, он занимался довольно странным делом. Я собственными глазами видел, как он тащил большую корзину к расположенной за колесом треугольной площадке, вынимал из корзины какие-то предметы, привязывал к ним веревку и окунал их в речную воду. Покончив с этим делом, он хватался за корзину, которая явно становилась гораздо тяжелее, и незаметно уползал в свой закуток рядом с моей каютой.

Однажды утром, помогая мне одеться, он сказал:

– Сударь, прошу простить мою вольность, но не согласитесь ли вы сделать меня своим должником?

– Что тебе понадобилось?

– У вас имеется воск для запечатывания писем, а у меня имеются бутылки. Мне бы хотелось уберечь их содержимое от контакта с воздухом, который плохо действует на летучие вещества.

Когда я услышал эти ученые речи, мне расхотелось спрашивать у него, откуда взялись масляные пятна на моем научном сочинении по химии.

Я отдал ему за спасибо половину имевшегося у меня воска. Произошло это за день до нашей высадки на сушу.

На следующий день после того, как нас с нашими лошадьми высадили на берег, Бенуа вдруг страшно развеселился. Мы отправились в путь в юго-западном направлении, и уже через час Миссури скрылась из виду. Тут-то я и спросил у Бенуа, что он сделал со своими бутылками.

– Надеюсь, сударь, вы понимаете, что я не взял их с собой, – ответил он.

– Тогда стоило ли тратить силы на их запечатывание?

В ответ Бенуа достал из кармана мешочек, набитый золотыми монетами. В нем было порядка семисот, а то и восьмисот долларов.

– Вот сколько я выручил за свои бутылки! – с гордостью сказал он.

– А что в них было, Бенуа?

– Сударь, вы сами видели, как я, стоя на корме, наполнял их водой.

– И вы продали воды из Миссури на четыре тысячи франков?

Бенуа напустил на себя важный вид и торжественным тоном сказал:

– Но ведь бутылки были запечатаны! На каждую бутылку я наклеил этикетку, на которой указан способ употребления... Вылейте воду на землю и, если почва золотоносная, тогда на ее поверхности появятся золотые песчинки... Нет ни одного доказательства, – добавил он с серьезным видом, – что этот метод хоть в чем-то порочен.

– До чего же уморительный тип этот ваш Бенуа! – воскликнула маркиза.

– Восхитительно! Восхитительно! – зашептались дамы.

Маркиза склонилась к сидевшей рядом и шепнула:

– Виконт мастерски умеет рассказывать...

– Неподражаемо, мадам!

– Полагаю, – заключила маркиза, – что с ним моя дочь будет счастлива.

Старый генерал О'Брайен наклонился к ней и, добродушно смеясь, прошептал:

– А как же иначе, дорогая моя? Разве можно быть несчастной с человеком, который так хорошо рассказывает истории?

– Вы злой! – отозвалась маркиза.

Обменявшись мнениями, все умолкли, чтобы более не мешать рассказчику.

Господин де Вилье продолжил свой рассказ:

– Итак, мы оказались в прерии. Великий американский романист уже познакомил вас с этими бескрайними степями Нового Света. Я не собираюсь утомлять вас подробностями нашего конного перехода по прерии, упомяну лишь, что на нас два раза нападали индейцы племени сиу, и что ночью мы стали свидетелями гигантского пожара. Он бушевал довольно далеко от нас и охватил сотни квадратных лье. С собой мы везли запасы провизии, хотя в этих местах довольно много дичи. Что касается Бенуа, то он постоянно вздыхал и мечтательно говорил мне:

– Эх, вот бы перетащить к подножию Монмартрского холма пятнадцать – двадцать арпанов⁹ местной земли!

На пятьдесят второй день после отъезда из Балтимора мы добрались до Скалистых гор. Наши несчастные лошади едва держались на ногах, и нам пришлось оставить их в последнем

⁹ Старинная французская мера площади, примерно 0,35 га.

на равнине человеческом жилье, а дальше двигаться пешком. Первую гряду Скалистых гор мы преодолели в промежутке между двумя огромными горами – Лонгс-Пиком и Джеймс-Пиком – высота которых достигает двух тысяч футов¹⁰. Сразу за горами перед нами раскинулась великолепная долина, посередине которой протекает река Рио-Браво дель Норте. Здесь на смену английским географическим названиям приходят испанские, а сами мы оказались во владениях потомков небезызвестного Кортеса.

Надо сказать, что потомки этого великого злодея сильно деградировали. Из всех страстей, испокон веков терзавших сыновей Испании, у них сохранилась лишь одна: пылкая и ненасытная жадность.

Два дня мы потратили на отдых в Санта-Фе, после чего добрались до Сьерра-Верде, за которой простираются земли, богатые золотом.

Теперь я расскажу о нашем первом приключении в горах Калифорнии, познакомлю вас с моими добрыми друзьями Голден-даггерами, а также открою вам тайну происхождения необычного холодного оружия, которое только что побывало в ваших руках.

Целую неделю мы двигались под палящим солнцем по берегу Рио-Колорадо, а затем, когда вдалеке замаячили покрытые снегом вершины, свернули к Сьерра-Неваде. Окружавший нас пейзаж менялся с невероятной скоростью. Ровная земля сменилась пересеченной местностью, покрытой небольшими скоплениями деревьев. Вскоре мы ступили на идущую через скалы тропу, справа от которой несся горный поток красноватой воды. Внезапно Бенуа остановился. К моему удивлению, он побледнел и молча указал пальцем на изгиб тропы, расположенный над нашими головами. Я поднял глаза и онемел, но не от испуга, а от восхищения. Посреди дороги резвились два небольших кордильерских льва¹¹. Они были проворны и изящны, словно молодые коты.

– Издалека они выглядят очень милыми, – промолвил мудрый Бенуа, – но увидев их вблизи, вы будете неприятно удивлены. Они в два-три раза больше крупного ньюфаундленда, а главе семейства ничего не стоит прикончить вас ударом лапы.

– А сами вы, Бенуа, являетесь главой семейства? – спросил я.

Но он не успел мне ответить. Где-то в скалах прогремел выстрел из карабина. Один из двух львов подпрыгнул на месте, упал, опять поднялся, закачался на краю обрыва, потерял равновесие и упал почти что к нашим ногам. Другой лев подобрался и совершил великолепный прыжок в сторону скал, откуда прозвучал выстрел.

– Зарядите карабин, Бенуа, – приказал я слуге, – похоже, нам теперь есть у кого спросить дорогу.

– *Quien viva?*¹² – непонятно откуда донесся до нас голос с сильным овернским акцентом.

– *Amigos*¹³, – на всякий случай ответил я.

Прогремел второй выстрел, после которого осторожный Бенуа мгновенно плюхнулся ничком. Я понял, что и второму льву пришел конец.

Одновременно на том самом месте, где недавно резвились львы, показался авангард колонны. Люди, двигавшиеся нам навстречу, были по преимуществу небольшого роста, коренастые и загорелые, напоминавшие своим обликом персонажей римских барельефов. Одеты они были в своего рода униформу, состоявшую из красной рубахи, ярко-желтого плаща (в этих местах их называют *манга*) с черными галунами, темно-зеленых бархатных штанов с большими пуговицами и выпушкой по канту и сомбреро из древесной коры с огромными полями, прикрытого пурпурного цвета сеткой. Все были вооружены до зубов.

¹⁰ Один фуз равен примерно 2 метрам.

¹¹ Прозвище ягуаров.

¹² Кто идет? (*исп.*)

¹³ Друзья (*исп.*).

Когда расстояние между нами сократилось до пятидесяти шагов, их предводитель взял меня на мушку. Я тут же повесил карабин на плечо.

– Вы американцы? – угрожающе спросил он по-испански.

– Мы французы, – ответил я.

Мексиканец опустил карабин.

– Скоро в Европе вообще никого не останется, – опечаленно сказал он, повернувшись к своим товарищам. – Вот и французы до нас добрались!

Сразу после этих слов он скомандовал:

– Вперед марш!

Колонна двинулась в нашу сторону.

Я вежливо посторонился, чтобы дать им дорогу. Одежда этих молодчиков только издали производила неплохое впечатление, а вблизи она больше походила на лохмотья. Когда предводитель поравнялся с нами, он сказал:

– Приветствуйте меня, сеньоры, я *adalil*¹⁴.

Мы поприветствовали его. Сам же он даже не притронулся к своей шляпе из коры, грозившей развалиться на куски.

Было их человек тридцать. Почти каждый носил на шее толстую золотую цепь, странным образом контрастирующую с их обносками. В центре колонны четверо тащили на носилках неподвижное тело человека, голова которого была замотана красным шелковым платком.

– Этот человек умер? – спросил я.

– Слава Богу, еще нет, – ответил замыкавший колонну помощник командира. – Этот человек стоит сто тысяч пиастров, а за вас вряд ли дадут больше одного эю.

Сказав это, он ткнул пальцем в мою флягу, которую я тут же поспешил ему отдать. Он осушил ее одним глотком и оказался настолько добр, что соизволил мне ее вернуть. Через мгновение командир и ведомые им оборванцы скрылись за поворотом тропы. С обоих львов они на наших глазах содрали шкуры, бросив на тропе трупы бедных животных.

Неожиданно из зарослей остролистного клена, растущего по краю оврага, прозвучал чей-то осторожный голос:

– Если джентльменам угодно отдохнуть, то им это будет стоить по четыре доллара с носа, а я гарантирую им прекрасный обед... Голден-дагтеры продали мне четверть туши великолепного быка.

Четверть туши быка! Вы и представить себе не можете, дамы, как действует простое слово *roast-beef*¹⁵ на воображение голодного путешественника, карабкающегося по заснеженным горам! Мы принялись искать проход, чтобы добраться до невидимого человека, продолжавшего вешать из-за деревьев:

– Мой *cot*¹⁶ находится в двух шагах отсюда... Там мы и встретимся.

Вскоре мы обнаружили отгалкивающего вида хижину, грязную, как жилище эскимоса. Гостеприимный хозяин появился вслед за нами. Он тащил какой-то непонятный предмет, завернутый в матерчатый плащ.

– Располагайтесь, – сказал он, протиснувшись из главной комнаты в клетушку, служившую кухней.

Вскоре до нас донесся приятный запах жареного мяса.

– Кто эти люди, которых мы встретили на тропе? – спросил я.

¹⁴ Командир (*исп.*).

¹⁵ Ростбиф – запеченная говядина (*англ.*).

¹⁶ Койка, раскладушка (*англ.*).

– Они называют себя *Vecinos de la Sonora* – Уроженцами Соноры, ваша честь, – ответил наш хозяин, продемонстрировав все богатство своего ирландского акцента. – В прошлом году они увели с собой мою жену... Мне было непросто прокормить это несчастное создание.

– Далеко отсюда Сонора?

– У них длинные ноги и они хорошие ходоки... Кстати, вы чувствуете запах жаркого, джентльмены?

Ноздри Бенуа раздулись сами собой.

– А что здесь надо этим Уроженцам? – вновь спросил я.

– То же, что Голден-даггерам надо в Мексике, ваша честь... Я только что справлялся у них о моей бедной Пегги... Она была для меня страшной обузой!.. Ее мужем стал тот чернявый верзила, что вместе со всеми тащил носилки... Одному Богу известно, как они захватили майора живым.

– Что еще за майор?

– Тот, что был на носилках... Суший дьявол, ваша честь!.. Новый муж моей бедной жены сказал мне, что, когда она состарится, он приведет ее назад... Разве это по-христиански?

Он вынес из кухни на деревянном блюде несколько больших кусков жареного мяса.

– Ешьте, джентльмены, – сказал он, – ешьте и ни о чем не беспокойтесь.

Мы решительно взялись за быка, проданного Голден-даггерами. Должен сказать, что у меня довольно крепкие зубы, а что касается Бенуа, то он своими зубами мог бы разжевать копченую ногу беговой лошади. Однако все наши попытки прожевать это калифорнийское мясо окончились ничем.

Наш хозяин поглядывал за нами краем глаза и продолжал болтать.

– Если джентльмены явились сюда, чтобы отыскать золото, – сообщил он, – тогда я осмелюсь дать вам один совет: ступайте на север... В этих местах ничего нет... абсолютно ничего!.. Здесь я один с трудом могу прокормиться.

– Да что же это за мясо такое? – воскликнул отчаявшийся Бенуа.

К тому времени я уже давно отодвинул свою тарелку.

– Это бык, – любезно отвечивал пэдди¹⁷, – очень хороший бык... Он немного жестковат, потому что все последние дни находился в замороженном состоянии... Ну да, места у нас тут суровые... ничего не поделаешь... Правда, я тут нашел одно местечко... Я застолбил этот *claim*¹⁸, отослал извещение в Монтерей и стал его владельцем. Это так же верно, как то, что мы, несчастные ирландцы, для того и родились, чтобы страдать в этих проклятых местах... А потом с гор спустились Голден-даггеры и перерыли всю мою землю. Песок остался, а золото – тю-тю... Надеюсь, Бог воздаст каждому по его делам!

Увидев, что я встаю, Бенуа бросил на стол два доллара.

– Если за этого быка платить по делам твоим, – сказал он, – то тебя следовало бы отходить палкой.

Пэдди предусмотрительно спрятал доллары, после чего сказал:

– Ах, Боже ты мой! Я и подумать не мог, что ваши милости останутся недовольны! А ведь бык так хорош!.. Отдайте мне остальные шесть долларов, джентльмены, не обижайте несчастного бедняка! Знаете, если вы отдадите мне остальные шесть долларов, а это совсем не много за такое хорошее мясо, тогда я расскажу вам, как пройти по горам и не нарваться на Голден-даггеров.

Бенуа сунул было руку в карман, но я жестом остановил его.

¹⁷ Шутливое прозвище ирландцев.

¹⁸ Право, заявление прав (*англ.*). В Калифорнии и других золотоносных регионах слово *claim* применяется к любому земельному участку. – *Примечание автора.*

– А вот ты и не угадал, – сказал я пэджи. – Я как раз хочу встретиться лицом к лицу с Голден-даггерами... Я отдам тебе твои шесть долларов, если ты покажешь самую короткую дорогу до них.

Ирландец отскочил к двери своей кухни.

– Ему, видите ли, хочется! – воскликнул он. – Я вынужден сообщить джентльмену, что он одержим демонами... Похоже, вам невдомек, что Голден-даггеры ценят человеческую жизнь не дороже тыквенной семечки... Хочется ему!.. А вам не хочется, ваша честь, чтобы вас повесили на веерной пальме или разрезали на куски? Тем более что сейчас они вне себя оттого, что потеряли майора... Нет, нет и нет, этого я вам не покажу! Это было бы не по-христиански... А вот если вы дадите мне двенадцать долларов...

Бенуа замахал руками, но я уже положил на стол двенадцать долларов.

– Храни вас Бог, джентльмены! – воскликнул ирландец. – Если кто-то решил утопиться, то нет смысла прятать от него реку... Идите по тропе, по которой спустились Уроженцы. В пятистах шагах отсюда увидите большой остролистный клен, расщепленный молнией. Поворачивайте направо и идите по ущелью, которое петляет среди скал. Как заметите, что среди деревьев больше не растут пурпурные лианы, значит вы проделали полпути. Тогда опять забирайте вправо и поднимайтесь по склону. Если до захода солнца дойдете до снега, то увидите дым, идущий из трубы большой хижины.

Он отворил дверь своей лачуги и, печально качая головой, сказал на прощание:

– Я не предлагаю вам отдохнуть на обратном пути в моем бедном домике. Это было бы бессмысленно. По крайней мере, никто не скажет, что я вас не предупредил. Из всех, кто поднимался туда, ни один не вернулся назад... Храни вас Господь, а я буду молиться за упокой ваших душ.

Дверь хибары захлопнулась. На повороте тропы мы обнаружили второго убитого льва. Тут-то мы поняли, где наш добрый ирландец брал мясо для готовки. От одного из львиных боков были отрезаны две длинные полоски. Хорош бык, ничего не скажешь!

– Вам что, правда взбрело в голову нанести визит этим Голден-даггерам, – с беспокойством в голосе спросил Бенуа.

– Я приехал сюда, чтобы увидеть как можно больше, – ответил я. – Если считаете, что это опасно, тогда я пойду один.

Мы дошли до разбитого молнией клена. Справа от нас открылось ущелье, темное, как вход в пещеру. Бенуа колебался лишь пару секунд, а потом сказал:

– Ладно, договориться можно со всеми, кроме жандармов... Вперед!

III

Легенда о Голден-даггерах

Этот плут Бенуа явно снискал симпатии гостей маркизы. Когда прозвучали последние слова рассказчика, слушатели сидели, не шелохнувшись, и только виконт Анри и Джордж Лесли продолжали стоять. Впрочем, Лесли мог стоять или сидеть, на него все равно никто не обращал внимания. Что касается Элен, то она больше не могла его видеть, потому что генерал О'Брайен встал за ее стулом и загородил Джорджа.

Ну а сам Джордж Лесли был не меньше других увлечен рассказом виконта. Он слушал его с фанатичным вниманием, и по ходу рассказа выражение его лица несколько раз резко менялось. Такой интерес, несомненно, объяснялся тем, что сам Джордж Лесли провел немало времени на американском Западе и, слушая виконта, невольно погрузился в воспоминания.

Мы же со своей стороны отметим, что, когда виконт де Вилье заговорил о некоем майоре, которого Уроженцы Соноры тащили на носилках, обернув ему голову красной тряпкой, Джордж Лесли опустил глаза, и ярко-красный румянец ненадолго тронул его щеки.

– Боюсь, что я вам наскучил, дамы, – прервал повествование виконт, нарочито придав своему голосу горделивую скромность.

– Что вы такое говорите! – воскликнула маркиза.

Со всех сторон донеслись протестующие голоса, а маркиза добавила:

– Анри, поскольку этот оригинал Бенуа живет на Монмартре, вы должны мне его показать!

– Этот Бенуа действительно прелюбопытная личность, – хором подтвердили несколько гостей.

– Я всегда к вашим услугам, – отозвался Анри и поклонился маркизе.

Затем он продолжил свой рассказ:

– Итак, мы полезли в это ущелье. После часа пути пурпурные лианы по-прежнему обвивали деревья, но к тому времени одни породы деревьев сменились другими, а температура воздуха начала так быстро опускаться, что смертельно уставший Бенуа трясся от холода.

Вскоре мы добрались до подъема, круто уходящего вверх, и стали карабкаться по нему.

Теперь с веток деревьев свисали мертвые лианы.

Внезапно горизонт раздвинулся. Прямо перед нами возник крутой спуск, слева появились густые заросли карликовых кипарисов, которые издали можно было бы принять за виноградник, а справа обозначился подъем на вершину горы, густо усеянный кустами земляники, засохшими на сильном ветру. Кое-где виднелись яркие цветы зимней опунции.

Деревья почти исчезли. Изредка встречались колючие кусты, впившиеся мощными корнями в окружающие скалы.

Становилось все холоднее, но подъем был до того тяжелым, что по нашим лицам градом тек пот. Ярко-красное солнце уходило за горизонт.

– Эта дорога тяжелее, чем дорога в рай! – проворчал Бенуа. – Меня не оставляет чувство, что мы направляемся в гости к дьяволу!

Кустики земляники становились все светлее, а затем и вовсе исчезли. Теперь наши ноги скользили по земле, размытой тающим снегом. Вскоре мы оказались в местности, поросшей блестящим белым лишайником.

Когда мы добрались до первого покрытого снегом плато, день уже заметно склонился к вечеру.

В калифорнийской Сьерре дуют леденящие северо-западные ветры, и поэтому снежный покров там гораздо ниже, чем в двух самых крупных цепях Скалистых гор.

После расставания с добрым ирландцем, накормившим нас таким вкусным мясом, нам ни разу не встретились следы присутствия человека. Зато на плато этих следов было хоть отбавляй. Судя по некоторым признакам, здесь недавно происходила битва между Золотыми ножами и мексиканскими Уроженцами.

Посередине плато догорали две хижины, ставшие похожими на две огромные дыры в белоснежном ковре. На затоптанном снегу осталось множество кровавых следов.

От четырех трупов здесь остались такие четкие и прочные отпечатки, что если бы это был не снег, а земляные формы для литья, то в них можно было бы отлить половины бронзовых статуй.

За плато начиналась небольшая долина, поросшая чахлыми соснами, затем белая безжизненная гора вновь устремилась вверх и приобрела форму конуса с раздутыми боками и гигантской выемкой на месте вершины.

В этом углублении не было видно никаких хижин, но из нее тянулись столбы дыма.

Больше всего в открывшемся виде нас поразили две скалы, торчавшие перед впадиной, которые выглядели, как опорные колонны, подпирающие частично обрушенный участок горы. Их похоже, как близнецы, вершины заканчивались одинаковыми платформами, глядя на которые казалось, что кто-то специально установил два пьедестала, намереваясь водрузить на них колоссального размера статуи.

Перед тем как шагнуть в долину, Бенуа остановился и неожиданно схватил меня за руку.

Я проследил за направлением его взгляда, блуждавшего среди черных стволов сосен, и в сгустившейся тьме заметил два красных глаза, мерцающих, как горячие угли.

Я решил, что перед нами какой-то дикий зверь, и схватился за карабин.

В этот момент до нас донесся гортанный звук, и между деревьями проворно заметался человеческий силуэт. Он мгновенно пропал из виду, но я успел заметить кроваво-красное татуированное лицо индейца.

– Если вам угодно, сударь, – спокойно сказал Бенуа, – то мы можем обойти это плато стороной. Сейчас еще не поздно это сделать. Мы можем, словно дети, присесть на корточки и спуститься к основанию холма Сен-Шомон. Тогда мы доберемся до ущелья раньше, чем этот краснокожий детина поднимет тревогу.

Но, как выяснилось, Бенуа ошибся. За деревьями послышался чей-то хриплый голос, и невидимый человек отрывисто прокричал с сильным американским выговором:

– *Who goes there?* (Стой! Кто идет?)

– Французский дворянин! – ответил я на том же языке.

– *French gentleman!.. Welcome!.. Go-on!* (Добро пожаловать, французский дворянин!..

Подойдите!)

Медлить было себе дороже. Бенуа сунул карабин под мышку, словно это был зонтик, и принялся насвистывать мелодию качучи¹⁹.

– Когда я последний раз насвистывал на Монмартре канкан, – сказал он, – мне даже в голову не приходило, что со мной такое может случиться!.. Возможно, все это уже было начертано на небесах, как говаривал один старый турок, продававший константинопольскую нугу на бульваре Пуассоньер... На вид нуга была неплохая, но, в сущности, страшная дрянь.

Повинуясь приказу, мы подошли ближе, но так никого и не увидели.

Должен признать, что прибытие французского дворянина не произвело в лагере Золотых ножей ни малейшего эффекта.

Однако когда мы прошли еще дальше, до нас начали доноситься самые разнообразные звуки. Какие-то люди разговаривали, пели, а когда ветер дул в нашу сторону, мы явственно слышали, как играют на скрипке.

¹⁹ Испанский сольный танец.

Когда между нами и двумя упомянутыми симметричными скалами оставалось не более трехсот шагов, перед нашими глазами возникла сцена, которая повергла нас в неопишное изумление.

На каждом из гигантских пьедесталов теперь стояло по статуе.

Хотя на самом деле это были не статуи, а люди, и каждый из них был вооружен карабином.

Один стоял с голыми ногами в накиннутой на плечи короткой мексиканской манге, которую, скорее всего, захватил в качестве трофея в ходе недавней битвы. Второй был в штанах, какие носят моряки, и парусиновом камзоле.

Вскоре между скалами появился третий персонаж.

– Я готов поставить свою мангу против штанов Тони, – твердым и внятнм голосом сказал человек с голыми ногами.

– Я ставлю свои штаны против манги Сэма, – отозвался моряк.

Он снял с себя штаны и сбросил их со скалы. Сэм точно так же поступил с мангой.

Третий персонаж поднял с земли поставленные на кон предметы туалета и спросил:

– Вы сделали это добровольно и с дружескими чувствами?

– Мы действуем добровольно и с дружескими чувствами, – хором ответили Тони и Сэм.

– Приступайте, – скомандовал секундант.

Сэм и Тони прицелились друг в друга. Оба выстрелили одновременно.

Оба выстрелили одновременно

Сэм остался на месте.

Тони рухнул со скалы головой вниз. Пуля Сэма пробила ему лобную кость.

Сэм потихоньку спустился и немедленно натянул на себя штаны убитого.

Сидевшие в будуаре слушатели начали недоверчиво перешептываться.

– Тише! Тише! – сказала маркиза.

– Из-за каких-то штанов!.. – протестующим тоном воскликнула некая виконтесса.

– Убить человека! – поддержала ее другая виконтесса.

– Именно так все и происходит в Сьерра-Неваде, дорогие дамы, – подтвердил старый генерал О’Брайен. – Ничто так не достойно доверия, как воспоминания о проделанном путешествии... Тем, кто по-прежнему не верит, предлагаю самим съездить в эти места.

– Хорошенькое дело! – воскликнул Анри де Вилье. – Теперь меня обвиняют во лжи!

– Все нет! – энергично возразила маркиза. – Просто эти дамы не имеют ни малейшего представления о чужеземных нравах и обычаях.

– Простите, что я вас перебиваю, дорогая кузина, – сказал Анри, – но здесь присутствует свидетель... Господин Лесли, ответьте, пожалуйста, видели ли вы что-то подобное на американском Западе?

– Я видел именно то, о чем вы рассказываете, – холодно ответил Джордж.

Лицо Анри де Вилье даже перекопилось от изумления.

– Вы хотите сказать, что вы там были?.. – неуверенным голосом спросил он.

– Был, но не в тот день, – с улыбкой отозвался Джордж.

Виконт облегченно вздохнул. Все головы повернулись в сторону Джорджа, а тот мгновенно вырос в глазах присутствующих после того, как произнес следующие слова:

– Я даже поднимался на одну из этих скал... Но стрелялся я не из-за штанов и не из-за плаща.

Элен смертельно побледнела, а маркиза спросила:

– Кто же стоял на другой скале?

Виконтессы в ожидании ответа Джорджа сладостно содрогнулись. Такая дрожь по всему телу всегда приводит виконтесс в неопишуемый восторг.

Джордж ответил:

– Представители молодых наций предпочитают полагаться на Божий промысел... Там, где не действует закон, дуэль считается правом каждого, а подчас и обязанностью... На другой скале стоял человек... Этот человек уже мертв.

Сказав это, он замолчал.

Дамы единодушно решили, что это бледное лицо, высокий лоб и глубокий взгляд являются признаками сильного характера.

Всем показалось, что за вибрирующим голосом Джорджа скрывается какая-то тайна.

Элен в этот момент затаенно страдала. Хотелось бы знать, почему.

– Дальше! Что было дальше, кузен? – нетерпеливо спросила маркиза.

– Я уже почти все рассказал, – отозвался Анри, который выглядел очень озабоченным. – В то время я еще вел себя весьма легкомысленно, и меня очень радовало начало приключений. Я сказал дрожавшему от страха Бенуа:

– Идем дальше!

– Им подстрелить своего, что муху убить! – огрызнулся слуга. – Как же они поступают с чужаками?

– Ирландец предупреждал вас, – ответил я.

Бенуа продолжил насвистывать качучу.

Нам позволили пройти в самый центр их лагеря, который был похож на деревеньку, состоящую из дюжины хижин и нескольких землянок. Прямо на снегу был расстелен ковер. На нем лежали два человека и играли в триктрак. На рукаве одного из них были нашиты сержантские галуны.

У входа в одну из хижин я заметил того самого индейца, который поднял тревогу.

Между игроками лежали кучки золотого песка и самородков, а рядом находились небольшие весы.

– Ага! – сказал сержант и бесцеремонно оглядел меня с ног до головы. – Вы, значит, и есть французский дворянин? – Затем он без всякого перехода воскликнул:

– Будь я проклят! Этот жулик валлиец выиграл у меня последние десять унций золота!.. Опять я нищий, как... Черт тебя побери, валлиец, придет день, когда я тебя убью!

Тем временем валлиец спокойно сгребал золотой песок и самородки в свою кожаную сумку.

– Хочешь сыграть в долг? – спросил сержант.

– Нет, – ответил валлиец.

– Ставлю свою жизнь против десяти унций!

Валлиец пожал плечами и поднялся.

– Я выиграю! Уверен, что я выиграю! – воскликнул сержант и скрипнул зубами. – Будь у меня на руках десять унций, я бы выиграл сто!..

Несколько Голден-даггеров вышли из хижин, чтобы посмотреть, чем закончится спор. По сравнению с их лицами лица Уроженцев Соноры можно было бы принять за лики святых.

– Кто одолжит мне десять унций? – завопил сержант. – Беру десять унций в обмен на двадцать... на тридцать... на пятьдесят!

Демон игры довел его до исступления.

– Будь здоров, сержант Саундерс, – произнес валлиец, сложив свои пожитки.

– Останься, Ник, Богом тебя прошу!.. Да останься же, негодяй!.. Что бы такое поставить, чтобы сыграть с этим бандитом? Ага! – вдруг радостно воскликнул он, – останься, Ник, я поставлю французского дворянина и его слугу против десяти унций!

Окружившие нас Голден-даггеры покатались со смеху.

Валлиец внимательно оглядел нас, словно пытался понять, тянет ли на десять унций содержимое наших карманов.

Судя по всему, осмотр его удовлетворил. Во всяком случае, он вновь улегся на ковер, вынул весы и отвесил десять унций.

Игра началась. Я скрестил руки на груди и следил за игрой, стараясь сохранять спокойствие.

Валлиец выиграл.

Сержант Саундерс ударом кулака разбил несколько шашек и сказал:

– Чтоб ты сдох, как собака, проклятый валлиец!.. Эй, ты, плати за меня!

Ник бесцеремонно подошел ко мне и попытался запустить руки в мои карманы. Я левой рукой отпихнул его, а правой рукой выхватил из-за пояса пистолет. Ник тоже был вооружен.

– Ах ты собака! – сказал он. – Ты отказываешься платить по долгам сержанта Саундерса?

Я решил не ждать. Пока он поднимал свой пистолет, моя пуля разнесла ему голову, и валлиец Ник рухнул к ногам сержанта.

В тот же момент двадцать карабинов уперлись в мою грудь.

Бенуа впервые за все время нашего знакомства осенил себя крестным знаменем.

Сержант Саундерс оглядел неподвижно лежавшего Ника, затем перевел взгляд на меня.

– Уймись! – сказал он. – А что бы вы сделали на месте француза?

Стволы нескольких карабинов опустились, но четверо бандитов продолжали держать меня на мушке.

– У Ника был золотой нож, – бормотали они. – Мы должны за него отомстить!

– Уймись, говорю я вам! – повторил Саундерс.

Он отстегнул от пояса Ника сумку с золотым песком и бросил ее на весы.

– Сто тридцать пять унций! – воскликнул он. – Ну и ворюга этот валлиец! Он жульничал во время игры... опустить карабины!

– Офицер, – сказал я ему, перезаряжая свой пистолет, – если хотите, я любого из этих бездельников отправлю напрямиком в ад.

Сержанту понравилось, что его назвали офицером. Он улыбнулся мне и спросил:

– Хотите забрать золотой нож Ника?

– Почему бы нет, – не раздумывая, сказал я.

Саундерс прицепил себе на пояс сумку валлийца.

– Решено, – сказал он. – Теперь вы наш... Сегодня вечером за ужином вас посвятят в сообщники.

В этом месте виконт Анри де Вилье вновь вынул из кармана свой нож с роговой рукояткой и золоченным лезвием, после чего продолжил.

– Бенуа получил приказ обыскать мертвеца, а я удостоился чести сидеть за ужином рядом с сержантом Саундерсом. Через несколько дней мы с Бенуа в компании Голден-даггеров отправились на прииски Рио Сакраменто.

Виконт умолк и сел в кресло.

В будуаре маркизы наступила тишина.

Конец истории, выражаясь театральным языком, полностью *провалился*.

На то имелось несколько причин. Во-первых, была скомкана развязка. Во-вторых, за убийством валлийца не стояло ничего душеспитательного, что могло бы оправдать любую жестокость. Если бы сюжет продлился еще на месяц и в повествование было бы добавлено больше красок, аудитория, несомненно, стонала бы от удовольствия.

Теперь же дамы были готовы оплакивать бедного валлийца.

Мы уже отметили, что виконт неожиданно чем-то озаботился. Именно поэтому конец истории вышел таким сухим. Если бы в этот момент кто-то захотел заглянуть виконту в душу, то этот *кто-то*, возможно, обратил бы внимание на его самые последние слова, проливающие свет на озабоченность Анри, который, садясь в кресло, небрежно спросил:

– Вы что-нибудь слышали об этом, господин Лесли?

– Да, – ответил Джордж.

Покажется странным, но этот лаконичный ответ взволновал присутствующих гораздо больше, чем сам рассказ. Мне неизвестно, что за романтический ветер вскружил в тот вечер головы слушателей. Никто из присутствующих даже словом не перемолвился со своим соседом, но у всех эта драма породила какие-то смутные чувства.

У многих возникло ощущение, что история, случившаяся за океаном, окажется лишь прологом к каким-то таинственным событиям, которые должны произойти в Париже, причем среди бела дня.

И только наша маркиза, эта фанатичная любительница историй, была довольна.

– Поблагодарите виконта, дамы! – воскликнула хозяйка дома, возмущенная откровенной сдержанностью аудитории. – Именно это я и называю захватывающим приключением!.. Только позвольте, кузен, задать вам один вопрос... Вы так и не объяснили, почему эти негодяи называют себя Золотыми ножами...

– Чего не знаю, того не знаю, кухня... По правде говоря, я не думаю, что за этим дурацким названием что-то стоит...

– Вы ошибаетесь, виконт, – сказал Джордж Лесли. – У этого дурацкого, как вы выразились, названия есть своя предыстория.

– Вам она известна?

– Известна.

– Господин Джордж Лесли, – сказал Анри, – думаю, я выражу желание всех присутствующих дам, если попрошу вас просветить нас на этот счет.

– Конечно! Конечно! – воскликнула маркиза и повернулась к Джорджу. – Что же вы мне не сказали, – с упреком добавила она, обращаясь к генералу, – что вашему протеже известна эта история?

– Он никогда мне ничего подобного не рассказывал, милая дама, – ответил старик.

Все взгляды устремились на Джорджа, и он, как обычно, покраснел. Однако молодой человек быстро взял себя в руки и начал рассказ легко и не торопясь:

– В заснеженных горах часто приходится слышать такую легенду о Голден-даггерах. В конце прошлого века на том месте, где сейчас располагается лагерь майора и его компаньонов, находилась деревня индейцев пауни. Их предки были вытеснены за Кордильеры англичанами-пионерами. Это было многочисленное племя. Их стада паслись по обе стороны гор, а рыбный промысел они вели вплоть до Колорадо.

Предводителем пауни был великий воин, которого звали Аганис.

В те времена вице-королем Новой Наварры был герцог де Медина-Сидония.

Белые Пауни (так называли себя эти индейцы) охраняли свои границы от набегов англичан и других индейских племен. Вице-короля они называли своим отцом. Аганиса приглашали курить трубку мира в городе Сан-Диего, в котором находился дворец вице-короля.

Однажды пришли солдаты Новой Наварры и прогнали с пастбищ лошадей племени пауни. Тогда индейцы отправили к вице-королю двух депутатов и потребовали восстановить справедливость...

Белые Пауни считались высокомерной расой. Их представители держались слишком гордо, и вице-король приказал высечь их розгами.

Когда об этом узнали в горах, Аганис приказал зажечь огонь на вершине горы, которая в настоящее время зовется Голден-даггер.

Следующей ночью вокруг потухшего огня собрались двести индейцев пауни и держали совет.

Вице-король был приговорен к смерти, а привести приговор в исполнение выпало Аганису.

Аганис взял свой томагавк и бросил его в бурный поток.

– Это он подарил мне томагавк, – сказал предводитель.

Он сломал свой лук об колено и бросил в огонь колчан со стрелами.

– Это он дал мне стрелы и лук, – сказал предводитель.

Затем он вырыл в земле яму, зарыл в ней свой тесак и сказал:

– Это он дал мне тесак... Чем я должен убить нашего отца?

Старейшины ответили:

– Наш отец должен умереть! Мы хотим видеть его скальп.

Аганис зарыл свою трубку рядом с тесаком и заплакал.

– Это он дал мне трубку, – сказал Аганис.

Он взял все крупницы золота, собранные им, чтобы купить огненной воды, и спустился на равнину.

Он шел, пока не добрался до испанской деревни. Там он сказал кузнецу:

– Сделай мне золотой нож.

Этим ножом он убил вице-короля и снял с него скальп.

В отместку за убитого вице-короля испанцы объявили на пауни охоту, словно на диких зверей. Само племя они стали называть *Cuchillos de oro*²⁰, и с тех пор пауни с гордостью носят это имя.

Американцы по-своему перевели имя племени и стали называть индейцев *Голден-даггерс*.

В 1848 году, вскоре после того, как Мексику вынудили уступить Калифорнию, из Ботанического залива²¹ сбежали семь каторжан. На углу баркасе они пересекли Тихий океан и захватили участки земли на побережье Орегона.

Эти люди отличались бесстрашием.

Укоренившись на новом месте, они постепенно стали осваивать южные земли.

²⁰ Золотые ножи (исп.).

²¹ Ботанический залив (Ботани-Бей) – залив в Тасмановом море у восточного побережья Австралии.

В то время разразился конфликт между остатками племени пауни, в котором насчитывалось всего два десятка воинов, и группой авантюристов из Теннесси, обнаруживших большое месторождение золота на окраине владений Голден-даггеров. Каторжники помогли Золотым ножам прогнать теннессийцев, а затем ночью устроили резню и перебили оставшихся Золотых ножей.

В живых остался лишь один индеец пауни, перешедший на сторону победителей.

Именно о нем рассказывал дамам господин виконт. Это тот самый индеец с красным татуированным лицом, чьи глаза мерцали ночью в сосновой роще. Зовут его Тоуа, и он личный слуга майора.

Банда победивших каторжников заняла лагерь индейцев пауни и присвоила себе название Золотые ножи...

– Все это очень интересно, – сказал виконт Анри. – Когда я думаю о том, что, возможно, являюсь обладателем золотого ножа, с помощью которого сняли скальп с герцога Медина-Сидония...

– Это не так, – перебил его Джордж Лесли. – Тот нож принадлежит майору, и он никогда бы вам его не отдал.

Слушатели начали шептаться:

– Мы возвращаемся во времена Тысячи и одной ночи!.. Надо же, чтобы такое происходило в девятнадцатом веке!

Генерал О'Брайен наклонился к уху маркизы и что-то тихо сказал.

– Что вы говорите! – воскликнула достойная дама, у которой сразу загорелись глаза.

– Просто он очень застенчивый, – уточнил генерал.

Маркиза поднялась и заспешила к Джорджу.

– Сударь, – сказала она, – ваши чудесные приключения...

– У меня не было приключений, мадам, – перебил ее Джордж, явно смущенный всеобщим вниманием.

– Неужели вы не хотите рассказать о каком-нибудь замечательном случае, свидетелем которого вам довелось стать?

Джордж с укоризной взглянул на старого генерала. Генерал улыбнулся.

– Полно, Лесли, – сказал он, – не тушуйтесь!

– Дамы, помогите мне! – поддержала его маркиза.

С этой минуты Джордж стал центром всеобщего внимания. Ему улыбались двадцать пар очаровательных губок. Не встретив взгляда задумавшейся Элен, Джордж опустил глаза.

– Я знаю только одну историю, – сказал он наконец. – Это история человека, которого господин де Вилье увидел на носилках с головой, замотанной шелковой тканью...

Отовсюду послышались восклицания:

– Пленник Уроженцев!

– Предводитель Голден-даггеров! – добавил Анри, бросив на Джорджа беспокойный взгляд.

– Рассказывайте! Рассказывайте! – заволновалась аудитория.

– Хорошо, – согласился Джордж Лесли, голос которого внезапно стал очень серьезным. – То, что рассказал господин виконт, авансом привлекает интерес к моему рассказу... Я расскажу вам о приключениях молодого графа Альбера де Розена, майора скрывающихся в горах Золотых ножей.

IV Майор

Джордж собрался с мыслями и начал свой рассказ.

– Граф Альбер де Розен является отпрыском славного венгерского рода. Титул графа его отцу, генералу Кароли, был пожалован императором Иосифом. Прежде чем стать графом, Кароли был фактически местным королем. Он являлся наследственным баном²² Капошвара²³ и всей местности вокруг озера Балатон, включая обширный Баконьский лес.

Желая принизить Кароли, император Иосиф пожаловал ему титул графа.

Когда я повстречал молодого графа Альбера в горах американского Запада, он постоянно горевал по поводу того, что его шпаги недостает защитникам Венгрии, и плакал при этом кровавыми слезами...

– Он молод? – перебила его маркиза.

– Ему еще не исполнилось двадцати пяти, – ответил Джордж.

– Красив?

Джордж Лесли улыбнулся.

– Мужчины не обращают внимания на такие мелочи, – сказал он. – Я слышал, как женщины восхищались графом Альбером... Я знаю, что он высок ростом, могуч и неутомим, и что никто не мог бы похвастаться, что видел, как граф дрожит от страха перед лицом смертельной опасности.

Маркиза поудобнее устроилась в кресле, чтобы не менять позы в течение всего рассказа, и задумчиво произнесла:

– Молод, красив, благороден, отважен... Да это же, дамы, истинный герой романа. Продолжайте! Продолжайте!

К ней приблизился Анри де Вилье и добавил:

– Что касается меня, то мне трудно передать ту радость, которую я испытываю оттого, что знаком с жизнью этого выдающегося человека. Позвольте поинтересоваться, господин Лесли, виделись ли вы с ним лично?

– И не раз, – отозвался Джордж.

– Давайте же слушать, – настоятельно потребовала маркиза, а Джордж Лесли продолжил:

– Когда графу Альберу исполнилось девятнадцать лет, он уже имел докторские степени, полученные на четырех факультетах. В Петербургском университете признали его бесспорный научный авторитет. В двадцать лет он защитил диссертацию, посвященную проблеме независимости Венгрии, и за это канцлер Меттерних выслал его из страны. Местом пребывания ему был назначен Милан, но, покинув территорию Австрии, он сразу направился в Париж. В результате вся его собственность была конфискована.

Когда граф Альбер говорит о Париже, сразу чувствуется, что он обожает этот город. Именно благодаря ему у меня возникло желание пересечь моря и посетить эту столицу мира.

В Париже граф Альбер был вынужден вести скромный образ жизни, не соответствующий его происхождению. Из Венгрии он вывез незначительную сумму денег, и вскоре ему пришлось испытать нужду. Пришлось графу обратиться за советом к старому другу.

– Чем я могу заняться, чтобы пристойно жить в этом городе? – спросил он.

– А что вы умеете делать? – вопросом на вопрос ответил генерал.

Именно генерал был его старым другом. Я не упомянул об этом раньше, потому что сам я познакомился с этим замечательным человеком лишь благодаря рекомендательному письму

²² Правитель в Хорватии и Валахии.

²³ Административный центр в 190 км от Будапешта.

Альбера. Таким образом, этим другом оказался О'Брайен, которому я обязан возможностью находиться среди вас, господа...

– Ладно, ладно! – сказал старый генерал. – Эти подробности не так интересны!..

После этих слов генерал повернулся к маркизе и добавил:

– Дорогая моя, надеюсь, вы не воспользуетесь случаем и не заставите меня рассказывать всякие истории. Мне они неизвестны, клянусь честью!

– Граф Альбер, – продолжил свой рассказ Джордж Лесли, – сообщил генералу, что он четырежды доктор наук; в ответ генерал покачал головой и спросил:

– А что вы умеете делать?

Этот вопрос поставил Альбера в тупик. Он замкнулся в себе, но генерал проявил настойчивость и сказал:

– Вы же из *буршей*, а это значит, что вы забияка и дуэлянт...²⁴ Достаточно ли вы владеете холодным оружием, чтобы преподавать фехтование?

– Я дворянин, сударь, – надменно ответил граф Альбер.

– Я тоже дворянин, причем весьма благородных кровей, – возразил генерал. – Мой предок Диармид О'Брин был королем Ирландии. Но это не помешало мне после падения дона Мигеля, на службе которого я состоял, давать уроки владения шилейлой²⁵ в Жокей-клубе.

В этом месте старый О'Брайен погрозил Джорджу Лесли пальцем, чем вызвал дружный смех аудитории.

– Да поразит вас небо, Джордж! – воскликнул он. – Этот эпизод моей биографии я собирался вставить в мемуары. Вы украли у меня целую главу!.. Бог с ним, что вы предали гласности тот факт, что я являюсь правнуком монарха, рост которого составлял шесть английских футов. Кстати, отметку его роста до сих пор можно видеть в доме олдермена в Голуэе... Я действительно обучал за плату членов Жокей-клуба искусству владения ирландской дубинкой... Однако если вы скажете обо мне еще хоть слово, я буду вынужден просить сатисфакции!

– Тогда, мой дорогой друг и покровитель, – отозвался Джордж, – скажите сами, что вы посоветовали бедному графу Альберу.

– Мне доводилось слышать, как он играл на фортепьяно, – ворчливым тоном сказал генерал, – а это тоже профессия... Я сказал ему: «В Париже нотная тетрадь стоит четырех дюжин дипломов... Займитесь этим делом, и все у вас получится». Прошу вас, Джордж, давайте оставим эту тему!

– Так вот, дамы, – продолжил Джордж, – граф Альбер последовал совету генерала и, чтобы свести концы с концами, стал давать уроки фортепьяно. Когда он явился в Париж, его сердце было свободно. И вот, одна из его учениц, американка мисс Хеллен Тэлбот, сумела внушить ему нежные чувства.

Рассказ Джорджа был буквально обречен на то, чтобы его постоянно перебивали.

Имя Хеллен Тэлбот невероятно взволновало аудиторию.

Виконт Анри де Вилье так сильно содрогнулся, что привлек внимание генерала, который справился о его самочувствии.

Маркиза несколько раз хлопнула в ладоши. Элен изменилась в лице и заерзала в своем кресле, даже не пытаясь скрыть смущение.

– Ничего себе! – воскликнула маркиза. – Вот так поворот темы!.. Вы, дамы, должны помнить очаровательную Хеллен Тэлбот, единственную дочь члена американского конгресса. Она присутствовала на одном из наших вечеров.

– Да, конечно, – согласились присутствующие. – Она так молода...

²⁴ Бурш – представитель студенческой корпорации в Германии, известной своими кутежами и дуэлями. Считалось, что дуэльный шрам (шмисс) есть неперемный атрибут каждого бурша, поэтому раны часто не лечили, а наоборот, растравливали, чтобы всякий мог видеть «следы мужества» на лице бурша.

²⁵ Шилейла, или блэктарн (тёрн) – «ирландская дубинка», средство боя и предмет народной культуры Ирландии.

– Она сверстница нашей Элен.

– Восхитительная блондинка, – добавил чей-то мужской голос.

– Ее волосы похожи на волосы моей Элен, – уточнила маркиза. – И имена у них похожи, почти одинаковые голоса... потрясающее сходство... все принимали их за сестер!

– Я не встречала сестер, которые так же нежно любили бы друг друга! – со слезами на глазах прошептала Элен.

– Но чем объяснить, – удивленно спросила маркиза, – что мы никогда ничего не слышали об этом знаменитом графе Альбере де Розене при том, что с семейством Тэлбот мы встречались каждый день?

Элен покраснела и опустила глаза.

– А мне кажется, что мадемуазель де Буатрюдан что-то слышала о нем, – совсем тихо произнес Анри.

– Вы правы, сударь, – холодно отозвалась девушка. – В одном из писем Хеллен, отправленном из Балтимора, упоминалось имя графа Альбера... Что же касается удивляющих вас обстоятельств, маман, – добавила она, обернувшись к матери, – вы ведь помните, что в сорок шестом году мы всю зиму провели в Ницце.

– Все это действительно происходило зимой сорок шестого, – подтвердил Джордж.

– Точно, точно! – сказала маркиза. – Мы еще сожалели, что не смогли обнять на прощание нашу дорогую миссис Тэлбот и ее очаровательную дочь перед их отъездом в Соединенные Штаты.

– Вы были знакомы с Хеллен, сударь? – спросила Элен.

Задав этот вопрос, девушка побледнела, но после того как Джордж бросил на нее смелый и одновременно ласковый взгляд, привычный румянец вновь покрыл ее щеки.

Джордж ответил:

– Я достаточно хорошо ее знал и могу утверждать, что никогда не видел столь удивительного сходства... Одно и то же имя, одинаковые возраст, голос, красота... возможно, и души одинаковые...

Затем он добавил, резко повернувшись к Анри:

– Не говорил ли нам господин виконт, что он когда-то проживал в Балтиморе?

– Совсем не долго, – непринужденно отозвался де Вилье. – Так получилось, что там я никогда не встречался с мисс Тэлбот... Когда присутствующие дамы познакомились с ней в Париже, я как раз уехал в путешествие... А почему вы спрашиваете?

– Чтобы вы засвидетельствовали мои слова, сударь, так же как я недавно засвидетельствовал ваши... Я как раз собирался добавить, что, приветствуя по приходе сюда мадемуазель де Буатрюдан, я испытал головокружение... Мне показалось, что я вижу мисс Хеллен собственной персоной... и меня даже посетила одна чудная мысль. Мне показалось, что даже чувство любви могло обмануться, столкнувшись с этим волшебным сходством... Я бы очень хотел услышать ваше мнение по этому поводу, сударь.

– Мне очень жаль, но я вынужден ответить вам отказом, сударь, – ответил виконт, в тоне которого проскользнуло легкое высокомерие. – Повторяю, что я никогда не имел чести быть лично знакомым с мисс Тэлбот.

– В конце концов, – заключил Джордж, перенеся исполненный меланхолии взгляд на Элен, – иллюзия не смогла продлиться долго... Два цветка-близнеца теряют сходство, когда один из них благоуханен, красив, крепко держится на своем стебле и полон жизненной силы, а у другого облетают лепестки и он умирает...

– Что вы хотите этим сказать, сударь! – воскликнула, задыхаясь, Элен.

Джордж, чей голос был исполнен печали, медленно произнес:

– Когда я покидал Балтимор, мисс Хеллен Тэлбот была серьезно больна.

– Больна... опасно больна! – перебила его Элен, щеки которой стали блее кружева ее воротничка.

Джордж ничего не ответил. В будуаре повисла гнетущая тишина. Маркиза выпрямилась в кресле. На ресницах Элен блеснули слезы.

И только на лице виконта Анри де Вилье сохранялось выражение полного безразличия.

Существует особая категория мужчин, взгляд которых пронизывает собеседника и вскрывает всю его подноготную, под какой бы личиной тот ни скрывался и как бы искусно ни перевоплощался.

Таковы, в частности, выдающиеся дипломаты, хотя послы таким качеством, как правило, не обладают.

Если бы такой человек внезапно появился в будуаре маркизы, то он, возможно, сумел бы понять, что под маской безразличия виконт Анри де Вилье скрывал довольно сильное волнение.

Джордж украдкой взглянул на него. Кстати, Джордж Лесли обладал именно таким взглядом, способным проникнуть в самое сердце. Горькая улыбка тронула его губы.

Он был первым, кто нарушил тишину.

– Я не ожидал, – сказал он, – что это обстоятельство, обнаружившееся по ходу моего рассказа, вызовет всеобщий и столь печальный интерес, тем более, что проявился он именно здесь, вдали от страны, где мне посчастливилось познакомиться с Альбером де Розеном и ангелом (так он называл свою невесту) ... Однако, если мадемуазель де Буатрюдан пожелает, то на этом я закончу свою историю.

– Как раз наоборот, – резко ответила Элен. – Я хочу... я желаю знать... я все хочу знать!

– Господи! – добавила маркиза, не склонная слишком долго печалиться. – В этом возрасте природа обязательно возьмет свое!.. Возможно, бедное дитя уже поправилось... Продолжайте, господин Лесли, дамы ждут продолжения.

Джордж заговорил, он не обращался непосредственно к Элен, хотя ей казалось, что эту историю он рассказывает специально для нее:

– Когда-то семейство Тэлбот было очень богатым. Но, как вам известно, мистер Дж.-Х. Тэлбот, отец мисс Хеллен разорился вследствие банкротства банковской системы Юга США, от которого пострадало даже федеральное правительство. Он вызвал к себе жену и дочь, после чего граф Альбер покинул Париж и последовал за дамами в Америку. Его любовь к мисс Тэлбот крепла с каждым днем. Полностью разорившийся мистер Тэлбот прекратил свои полномочия члена конгресса и в попытке восстановить утраченное богатство отправился в Калифорнию. Когда Анри попросил у него руки его дочери, мистер Тэлбот ответил:

– Поженитесь, когда мы разбогатеем. А сейчас поезжайте со мной на Запад.

Вскоре они уехали.

Будучи проездом в Вашингтоне, мистер Тэлбот вступил в конфликт с неким сторонником рабства, который припомнил ему прежние голосования в конгрессе. Как известно, в этой стране главным аргументом в споре является пистолет. Мистер Тэлбот был убит на месте в результате типичной для Америки гнусной дуэли, больше всего похожей на убийство.

Граф Альбер вернулся в Балтимор. Он сжал руки Хеллен и ее матери и сказал:

– Я еду один и вернусь, когда разбогатею. Ждите меня.

Путешествие Альбера было во многом похоже на недавно описанное путешествие господина Анри де Вилье.

Разница лишь в том, что у него не было компаньона.

Занесенную снегом горную цепь он пересек в нескольких лье к северу от того места, где располагались Голден-даггеры, и немедленно занялся поисками золота. Как мы помним, в Париже ему негодились его дипломы, зато в Америке Альберу очень помогли полученные знания в области геологии. Прошло немного времени, и он обнаружил богатые месторождения

золота. Однако от одной мысли, что ему придется самостоятельно разрабатывать эти месторождения, Альберу становилось не по себе.

Тем не менее он нанес свои *claims* на карту, составил заявку и стал формальным владельцем открытых им месторождений, защитив свои права настолько надежно, насколько это возможно в стране, где полуслепое бюрократизированное правосудие безуспешно борется с разнузданным варварством откровенных бандитов.

Альбер сразу столкнулся с необходимостью решения сложных технических задач. В первую очередь, требовалось построить землечерпалку и соорудить плотину, чтобы перекрыть один из притоков реки Льюис, именуемый Торренте-Санто.

Пытаясь спилить первый огромный клен, граф Альбер ободрал в кровь свои нежные белые руки. Впоследствии граф не раз падал от усталости и засыпал рядом с этой проклятой пилой, с помощью которой он надеялся добыть горы золота.

Потребовалась неделя, чтобы соорудить из кленовых веток жалкую хижину и устроить укрытый от дождя очаг, на котором можно было жарить подстреленную дичь.

Ему не хватало инструмента, а имевшиеся орудия труда были очень плохими, но зато он был прекрасно вооружен.

Однажды ночью граф трудился при свете луны, строя плотину, чтобы перегородить реку. Внезапно к югу от его *claim* послышались выстрелы.

Альбер побежал на звук выстрелов и увидел индейца, вооруженного одним лишь топором, который отчаянно защищал белую женщину от трех бандитов, которых он поначалу принял за мексиканцев.

Правило гласило, что в таких ситуациях никто не должен вмешиваться. В стране золотодобытчиков безраздельно властвует жестокий закон: каждый сам за себя.

Одного мерзавца граф Альбер убил выстрелом из карабина, а двух других обратил в бегство.

Раненый индеец дополз до графа на коленях и стал целовать его ноги. После той ночи пауни Тоуа стал слугой или, правильнее сказать, рабом графа Альбера.

Индейцы никогда не устают мстить и любить.

Граф Альбер распахнул двери своей хижины для Тоуа и его жены, которую звали Лиль. Молодая и красивая Лиль была испанкой и прежде проживала в одном из приграничных районов. Тоуа и Лиль были венчаны по христианскому обряду.

Именно от Тоуа граф Альбер узнал, с какими бандитами ему пришлось иметь дело.

Все трое были Голден-даггерами.

Кроме того, Тоуа рассказал ему о том, как его племя пришло в упадок, а также о резне, в которой ему удалось выжить.

Отмечу еще одно обстоятельство, свидетельствующее о том, с какой скоростью все меняется в этой стране. После того, как вырезали последних пауни, прошло всего два года, однако в поселении, занятом Голден-даггерами, оставалось лишь четверо бандитов, участвовавших в памятной резне. Многие из них разбрелись по стране, движимые нескончаемой страстью к перемене мест, терзающей жителей Калифорнии. Кровью же остальных Тоуа омыл свой топор.

Как истинный индеец, он не мог сидеть сложа руки, пока оставались живы убийцы его соплеменников. По этой причине он никогда не ночевал в хижине Альбера. Еще до темноты он бесшумно исчезал вместе со своей женой и возвращался лишь на рассвете. Часто Тоуа говорил графу:

– Кости моего отца омылись кровью.

Это означало, что еще один Голден-даггер, стоявший на часах или спавший в гамаке, лишился своей головы, и что Тоуа пролил несколько капель его крови на могилу своих предков.

С утренней зари и до вечера Тоуа и его жена работали вместе с графом. В конце концов им удалось перегородить реку, соорудив плотину из бесчисленного количества досок. Затем граф

с двумя своими помощниками запустил землечерпательную машину. Она была очень несовершенной, но кое-как работала.

Этой машины было достаточно, чтобы промывать речной песок, в котором содержалось огромное количество золота.

Однажды граф Альбер написал в Балтимор письмо, в котором сообщил, что вернется через год и вернется богатым.

Наземные средства сообщения в этой стране трудны и ненадежны. Впоследствии граф Альбер узнал, что ни это письмо, ни остальные письма не дошли до адресатов.

Однажды утром Тоуа зарыл в землю свой окровавленный томагавк и сказал:

– Этот был последним.

Следующей ночью он спал на сухих листьях вместе со своей женой. Но враги сумели выследить его. Вскоре неподалеку от хижины были замечены Голден-даггеры. Тогда Тоуа срубил деревья и из их стволов соорудил оборонительные укрепления, в которых проделал бойницы. В самой хижине имелось три карабина и большое количество боеприпасов.

В свою очередь граф Альбер принял дополнительные меры предосторожности. Он тайком на небольшом расстоянии от укреплений вырыл яму и сложил в нее значительное количество добытого золота.

Ни по каким внешним признакам невозможно было определить, где находится яма. Чтобы отыскать это заросшее травой место требовались немалая сообразительность и компас.

– Если со мной случится несчастье, – сказал граф Альберт Лиль и Тоуа, – вы возьмете веревку и наметите прямую линию от хижины до середины плотины. Затем с компасом в руке вы подойдете к подножию Солдата...

Солдатом называли высокую белую скалу, стоявшую в двухстах шагах от хижины.

Эту каменную глыбу назвали Солдатом, потому что издали она была похожа на застывшего часового.

Подойдя к Солдату, вы наметите с помощью компаса вторую линию, которая должна идти строго по стрелке. Начинайте копать в том месте, где вторая линия пересечется с первой. Там и найдете золото.

Лиль заплакала. Тоуа приложил руку к сердцу и сказал:

– Хозяин, зачем Тоуа золото, если не будет вас? Тоуа не сможет жить, если не будет хозяина.

– Если я умру, – ответил граф, – Тоуа будет жить, чтобы исполнить мою последнюю волю. Глаза индейца засверкали.

– А также для того, чтобы отомстить за вас, – добавил он.

– Слушайте меня внимательно, – сказал граф. – Вот моя последняя воля: на другой стороне Американского континента в городе Балтиморе я оставил самое дорогое для меня существо. Это юная девушка, которая, если будет угодно Богу, станет моей женой. Все золото принадлежит ей, я добывал его для нее... До Балтимора путь неблизкий, но вы пройдете его...

– Мы сделаем это! – ответили Тоуа и Лиль.

– В городе вы спросите, где живет вдова депутата Тэлбота, постучитесь в дверь ее дома и скажете ее дочери, моей невесте: «Хеллен, Альбер умер за вас, а это принадлежит вам...»

Голден-даггеры не трогали их в течение шести месяцев. Однажды ночью граф спал после тяжелого трудового дня. Его разбудил едва слышный шум.

У его изголовья стояла Лиль.

– Хозяин, – сказала она, – берите ваш карабин.

Граф резко вскочил, и в этот момент раздался выстрел. Тоуа уже находился у бойниц. Он застрелил одного из Золотых ножей, когда тот пытался топором прорубить проход в зеленой изгороди.

Лиль схватила третий карабин.

Хижина была защищена тройным кольцом обороны: зеленой изгородью, глубокой траншеей и укреплениями из стволов деревьев.

Пять ночей граф, Тоуа и Лиль держали оборону. Каждый раз на рассвете Голден-даггеры убирались восвояси, унося своих мертвых.

Они клокотали от ярости и, уходя, кричали:

– Следующей ночью мы разрежем тебя на куски!

На шестую ночь Голден-даггеры подожгли хижину. В ходе схватки были убиты их майор и еще двенадцать человек.

Альбер де Розен вышел из объятого пламенем дома, вскарабкался на укрепление, сделал последний выстрел из карабина и бросил ставшее бесполезным оружие.

Он скрестил руки на груди и стал поджидать врагов. Голден-даггеры крепко связали его и привели в свой лагерь. Лиль и Тоуа также стали пленниками.

На следующий день бандиты собрались на горе, чтобы выбрать нового предводителя.

Дело дошло до поножовщины, но никто так и не набрал нужного количества голосов.

Сержант Саундерс и один канадец по фамилии Болтон набрали по четыре голоса каждый, кое-кто набрал три голоса, еще несколько человек по два, и человек тридцать проголосовали сами за себя.

– Слышишь, ты, любитель копошиться в песке, – сказал Саундерс графу Альберу, спокойно взиравшему на орущих бандитов, – пока мы не разрезали тебя на куски, скажи нам, что ты думаешь по этому поводу.

– Я думаю, – ответил Розен, – что вам самое время хвататься за карабины... Мой пес по кличке Лев учуял Уроженцев.

Лев был прекрасным псом из южных районов страны. Тоуа отбил его у мексиканцев. Он за версту чуял Уроженцев Соноры.

– Тревога! – крикнул в тот же момент часовой, стоявший на вершине горы.

Сразу началась страшная суматоха. Все хотели командовать, и никто не желал подчиняться.

Часовой сделал выстрел из карабина и убежал с вершины.

Саундер метнулся к Розену и висевшим у него на шее ножом перерезал веревки.

– Разрази меня гром! – воскликнул он. – Мой щик песка убил тринадцать наших товарищей. Он отлично дерется... Я за то, чтобы он стал нашим майором²⁶!

Все единодушно его поддержали, а сержант сказал:

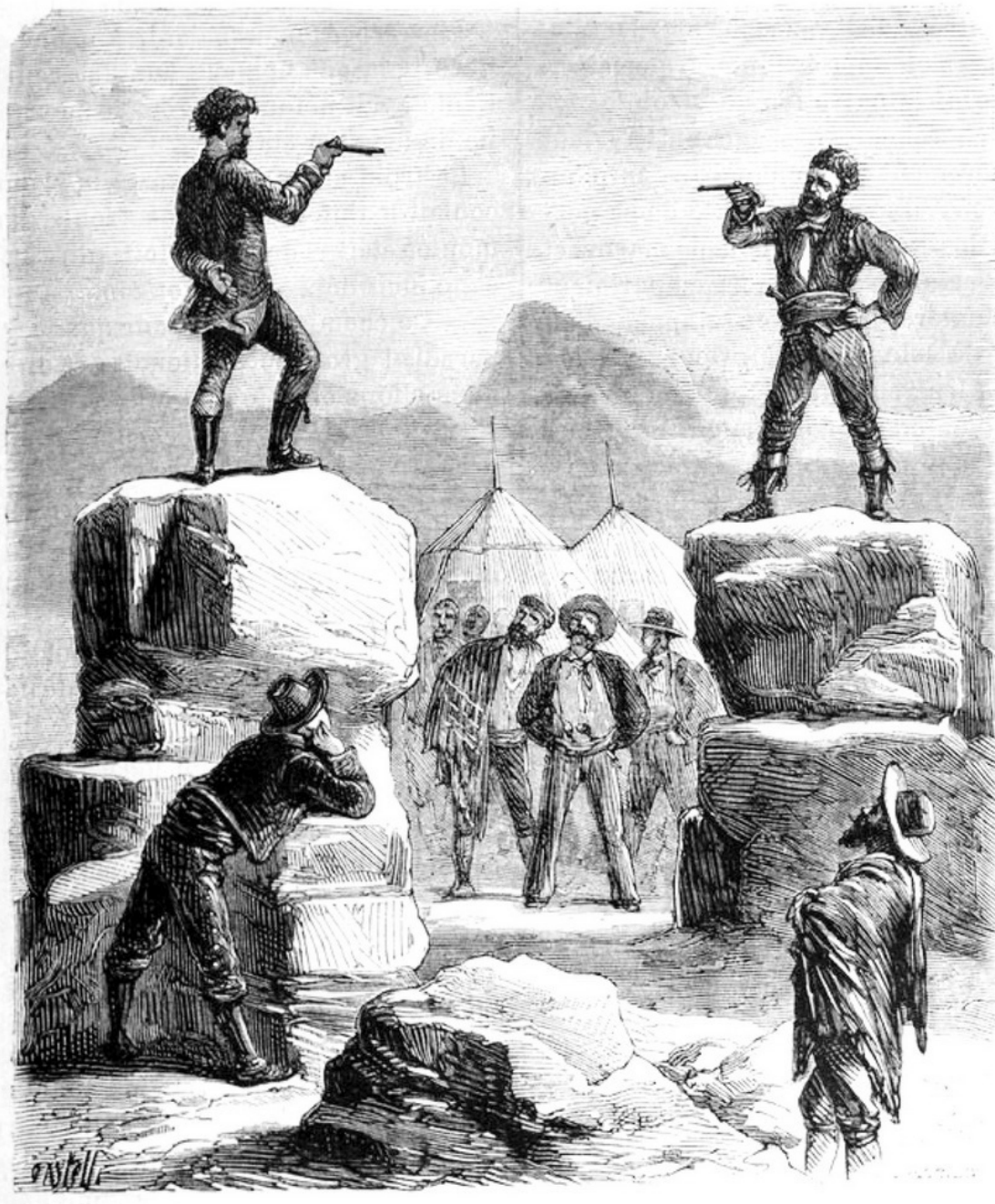
– Командуй нами, джентльмен, мы вернем тебе твое золото.

Ему вернули карабин, и он тут же приказал освободить его товарищей. Когда мерзавцы идут на битву, им безразлично, кто ими командует. Розен встал во главе Золотых ножей и отбросил Уроженцев к основанию горы.

По окончании сражения каждый принес Альберу клятву повиновения.

И только Болтон вместо того, чтобы принести клятву, сильно ударил его по руке и сказал:

²⁶ Майор по-испански одновременно означает не только воинское звание, но и *предводитель, старший*.

– Хочу убедиться, что кровь мойщика песка такая же красная, как и моя.

– Хочу убедиться, что кровь мойщика песка такая же красная, как и моя.

По правилу, принятому у Золотых ножей, никто не вправе отказаться от дуэли. Болтон поднялся на одну из скал-близнецов, о которой рассказывал виконт, а Розен вскарабкался на другую. Болтон слетел со скалы вниз головой, и на этом все было кончено. Так граф Альбер стал майором Голден-дагерров.

Пока он командовал этими бандитами, несчастные искатели золота во всей округе обрели покой или что-то похожее на него. Графу, конечно, и в голову не пришло заниматься таким безнадежным делом, как приобщение подчиненных ему дикарей к культурной жизни, зато он научил их извлекать золото из Торренте-Санто и направил их воинственный пыл на усмирение мексиканцев.

Мексиканцы же, как водится, поклялись отомстить ему...

В те времена, – сделал отступление Джордж Лесли, – мне посчастливилось довольно близко познакомиться с графом Альбером. Полагаю, что я даже проник в его самые сокровенные мысли. Не знаю, каким бы он стал, если бы оказался в менее экзотических обстоятельствах, но могу засвидетельствовать, что у графа было отважное сердце и ясный ум...

– И только? – воскликнула маркиза. – А вот я считаю, что он настоящий герой! Что скажете, дамы?

Большинство присутствующих виконтесс высказались за то, чтобы объявить графа Альбера де Розена героем.

Анри де Вилье улыбнулся своей будущей теще и повторил:

– Он и вправду герой, кузина, настоящий герой.

Джордж Лесли решил перевести дух и поискал взглядом Элен. Он увидел, как девушка поднесла к губам руку маркизы и с задумчивым видом поцеловала ее.

– Альбер де Розен потерял зрение в тот самый день, когда господин виконт встретил мексиканцев, тащивших на носилках своего пленника, – произнес Джордж.

Элен выпустила руку матери и бросила на Лесли опечаленный взгляд.

– Он ослеп!.. – прошептала она.

– Граф Альбер ослеп! – хором повторили присутствующие.

– Незадолго до того, как господин де Вилье увидел графа на носилках, – пояснил Джордж Лесли, – пороховая вспышка ударила Альбера по глазам, лишив зрения.

V Донна Кармель

Из всех гостей маркизы один только виконт Анри де Вилье не испытал тягостного чувства после последних слов, сказанных Джорджем Лесли. Образ Альбера де Розена вызвал всеобщий интерес. В нынешнем свете страстно обожают именно таких безумных героев.

Приходится признать, что с этого момента фигура виконта де Вилье отошла на второй план.

В самом деле, разве можно сравнить рассказ о мелких приключениях любопытствующего скептика с повестью о битве титанов и об истинной страсти?

Присутствующие дамы успели по уши влюбиться в этого странствующего рыцаря, покинувшего венгерские равнины, чтобы померяться силами с американскими дикарями и бандитами. Все переживали, узнав, что его тяжело ранили.

Бесстрашный, не знающий поражений Альбер де Розен был слеп!

Одно казалось по меньшей мере странным: две истории, рассказанные одна за другой, оказались тесно связанными между собой. Виконт попал в плен к Голден-даггерам как раз в тот момент, когда Альбер де Розен был похищен Уроженцами Соноры!

– Лагеря мексиканцев и Золотых ножей расположены далеко друг от друга. В прошлом граф Альбер не раз преследовал Уроженцев Соноры до Сан-Фелипе, где в заснеженных горах находится их лагерь.

Путь до лагеря был долгим и мучительным.

Пленнику не раз приходила в голову мысль, что в любую минуту он может умереть.

Уроженцы из жалости обернули его голову шелковой тряпкой. Это помогло графу сохранить надежду и присутствие духа. Для самоуспокоения Альбер решил, что именно из-за тряпки на глазах он ничего не видит.

По прибытии в Сан-Фелипе тряпку сняли, и когда граф понял, какое несчастье его постигло, он едва не лишился рассудка.

Сан-Фелипе представляет собой небольшую деревню, расположенную к югу от Рио-Хила. Вокруг нее простирается плодородная, но не распаханная равнина, большая часть которой занята затопленными рисовыми полями, которые по осени сами собой засеиваются разносимыми ветром семенами. Золотоносные жилы, прославившие землю Соноры, находятся гораздо южнее. Сан-Фелипе состоит из четырех десятков хижин, расположенных вокруг деревянного форта, внутри которого выстроена довольно высокая башня.

С архитектурной точки зрения башня представляет собой простейшее сооружение в виде огромного цилиндра без каких-либо выступающих краев.

Именно там и поместили графа Альбера.

Кое-кто из жителей деревни потребовал, чтобы его немедленно умертвили, но староста и его помощники надеялись получить за графа выкуп. Ненависть и скупость – вот две страсти, которые больше всего распространены среди испанцев, и сердце истинного мексиканца всегда мечется между ними. Уроженцы настаивали на казни, но остались в меньшинстве. Они считались горячими головами, а их стремление получать удовольствие от убийства врага было объявлено порочным. Будь у Шейлока такие же, как у них, вкусы, он умер бы с голоду на соломенной подстилке.

Звали старосту сеньор Хуан-Мария Тристани. Мужчина он был солидный, молчаливый и худой, как Дон Кихот. Питался староста табаком, шоколадом и свежей водой. Этот образцовый христианин постился три раза в неделю, но при этом был отпетым вором.

У него была двадцатилетняя дочь, которую звали донна Кармель²⁷.

Видеть ее несчастный Альбер де Розен был не в состоянии, но зато ее голос проникал ему в самое сердце. А еще граф Альбер слышал, что она красива, как ангел.

Особенно хороши были ее волосы. Все только и говорили о ее волосах, черных, как гагат, и мягких, как шелк. Когда она их распускала, волосы, как сказал поэт, «падали к ее ногам, словно королевская мантия».

Наблюдавшая за Джорджем Лесли Элен в этот момент опустила глаза, как будто в них ударил нестерпимо яркий свет.

– Добросердечная донна Кармель, – продолжил рассказ Джордж, – узнав, что пленник ослеп, попыталась его утешить и попросила отца разрешить ей посетить башню.

Староста согласился, но приказал ей сообщить майору, что Уроженцев устроит выкуп за него в размере восьми тысяч унций золота.

Когда донна Кармель вошла в камеру, пленнику, проводившему дни в угнетающей тьме, показалось, что в узилище проник солнечный луч. Она присела у его изголовья. Повязка, наложенная на глаза графа, придавала ей уверенность в собственной безопасности.

Уходя, она просила его положиться на волю Господа и тем самым укрепить свой дух.

– Я еще вернусь, сеньор кавалер, – сказала она.

Альбер попытался поцеловать ей руку, но она отдернула ее и выбежала из камеры.

Визит ангела благотворно повлиял на состояние графа, который в ту ночь впервые спал спокойно.

Пришла она и на следующий день. Альбер прижался губами к ее мягкой ароматной руке. Девушку он видел сердцем, и она казалась ему прекрасной.

На третий день, когда донна Кармель покидала пленника, ее голос дрожал. Она сказала графу:

– Будьте мне братом, а я стану вашей сестрой.

На четвертый день ее голос дрожал еще сильнее. Она спросила, любил ли он когда-нибудь.

Граф Альбер проявил себя истинным джентльменом. Он раскрыл ей свое сердце, в котором навеки запечатлелся образ Хеллен.

– Раз вы ее любите, то и я ее полюблю, – прошептала донна Кармель.

Розен понял, что по ее щекам текут слезы.

Тем временем староста каждое утро спрашивал у дочери, когда наконец майор заплатит выкуп.

С того дня Розен и Кармель часто говорили о Хеллен, и долгие часы неволи наполнялись приятным умиротворением. Иногда Кармель говорила:

– Как она, должно быть, скучает вдаль от вас! Если бы ваша Хеллен была мексиканкой, – добавляла она, – она не отпустила бы вас одного... Я бы сказала своему жениху: «Я хочу быть твоей женой и делить все опасности на двоих...»

Так прошло несколько месяцев. Днем в башне стояла удушающая жара. Часть ночи Розен сидел у окна, подставляя лицо свежему северо-восточному ветру.

Этот ветер прилетел из Балтимора. Там он ласкал волосы Хеллен.

Однажды вечером граф лениво сидел у окна, погружившись в раздумья. Внезапно послышался какой-то стук. Альбер вздрогнул и вскочил на ноги.

Оказалось, что ветер донес до него условный сигнал, посредством которого граф общался в лесу с Тоуа и Лиль.

²⁷ Роман был опубликован в 1856 году. В 1877 году в более поздней, исправленной и слегка сокращенной авторской версии текста имя Кармель (Carmel) было изменено на Кармен (Carmen), а господин Бенуа Луэн (Loyn) стал Бенуа Лионом (Lyon). – *Примеч. ред. «Вече».*

Сначала он решил, что ему послышалось. Но сигнал повторился и больше уже не звучал. Розен высунулся из окна, чтобы попытаться уловить какой-нибудь новый звук.

Но деревня безмятежно спала.

Был слышен лишь свист ветра, несущегося над бескрайней саванной.

Едва Альбер улегся в постель, как вдали раздался выстрел из карабина.

– С таким звуком стреляет карабин Тоуа! – воскликнул Розен.

После этого вся ночь прошла в ожидании новых сигналов.

Утром донна Кармель появилась раньше обычного и сказала:

– Люди видели, как вокруг укреплений бродил какой-то индеец.

– Это мой слуга, мой добрый друг! – воскликнул граф. – Богом заклинаю, Кармель, спасите его!

– Я спасу его, – сказала Кармель.

Она пошла к старосте и сказала:

– Сеньор, рядом с деревней появились сообщники пленника. Какой-то индеец посылает ему сигналы.

– Я это знаю, – ответил Хуан-Мария Тристани. – Наши часовые, слава Богу, не глухие и не слепые.

– Знаете ли вы, что этот индеец явился к нам, чтобы обсудить с узником размер выкупа? – спросила донна Кармель.

Староста тут же позвал своих охранников и приказал им тщательно следить, чтобы с индейцем ничего не случилось.

– Все это время мы исправно кормили кавалера, – сказал он, – и теперь имеем основания попросить восемь тысяч пятьсот унций.

Дона Кармель пообещала отцу, что она будет присутствовать на переговорах узника с индейцем и не допустит, чтобы они сговорились о побеге.

Тоуа продолжал бродить вокруг укреплений и в конце концов был схвачен, после чего, как это принято у индейцев, он не произнес ни слова. Донна Кармель приказала отвести его в башню и отослала охранников.

Граф, Тоуа и донна Кармель остались в башне одни.

Индеец по-прежнему молчал, потому что он не был знаком с Кармель.

– Говори, Тоуа, – сказал граф. – Это моя сестра.

Тоуа, державшийся скованно и бесстрастно, бросил на девушку удивленный взгляд.

Не говоря ни слова, он взял ее руку

Не говоря ни слова, он взял ее руку и приложил к своей голове.

– Так что ты хочешь мне сказать? – спросил граф. – Лиль с тобой?

Тоуа опустил голову, и тяжкий вздох вырвался из его груди.

– У Тоуа больше нет жены! – тихо произнес он.

После этого он добавил странным тоном, в котором слышалась болезненная гордость:

– Тоуа сам ее убил.

– Этот человек убил свою жену! – с ужасом в голосе воскликнула Кармель.

– Тоуа не похож на обычных людей, сеньора, – сказал граф. – Почему ты убил жену, Тоуа?

– Потому что она выдала тайну моего хозяина, – ответил индеец.

Больше граф не задавал вопросов.

Кармель с испугом смотрела на татуированное лицо индейца-пауни, а тот, помолчав, протянул вперед руку и заговорил:

– А еще Лиль предала Тоуа, своего мужа... Тоуа все расскажет своему хозяину... Один бледнолицый пришел в наш лагерь со своим слугой. Он был родом из Франции. Мы с Лиль прозвали его Золотой язык, потому что всем нравилось, когда он говорил... Голден-даггеры прозвали его слугу Могиканином. Золотой язык какое-то время оставался в нашем лагере. Это он отговорил сержанта отправиться в экспедицию, чтобы освободить вас. Его слуга говорил с молодыми людьми, и они ему сказали, что мы с Лиль знаем, где зарыто сокровище. Женщины не умеют хранить секреты. Ведь молодые люди не колдуны и сами не могли узнать секрет Лиль.

– Поэтому ты ее и убил? – перебил его граф.

– Нет, – ответил Тоуа. – Пусть майор подождет, и тогда он все поймет... Однажды вечером Золотой язык явился в хижину, в которой находились мы с Лиль. Он принес бутылку рома и сказал: «Хотите выпить?» Мы выпили. Золотой язык тоже приложился к горлышку бутылки. Не знаю, пил ли он. Когда бутылка опустела, Лиль стала петь и танцевать. Она была пьяна.

Золотой язык сказал:

– Если мой брат Тоуа захочет, я принесу еще сто таких бутылок рома.

– Тоуа хочет, – ответил я.

– Тогда Тоуа должен говорить со мной честно и откровенно.

– Спрашивайте, Тоуа все вам скажет.

– В каком месте майор зарыл свои слитки?

Но Тоуа не из тех, кто пьянеет от полбутылки рома! Он сказал Золотому языку: «Пошел вон!»

И он снял с крюка свой томагавк, который висел на двери вигвама.

Золотой язык ушел.

На следующий день Тоуа пошел взглянуть, как обстоят дела в том самом месте между Солдатом и плотиной. Когда он вернулся, Лиль пела и танцевала. Лиль была пьяна.

Тоуа ударил свою жену по лицу, потому что жена не может напиваться без своего хозяина.

Потом в течение нескольких дней Тоуа видел, как Могиканин, слуга Золотого языка, бродил вокруг его вигвама.

Однажды утром все стали искать француза и Могиканина, но так и не нашли. Их ждали весь день, но они не вернулись. Лиль не хотела выходить из вигвама. Она плакала и била себя в грудь. Тоуа спросил ее:

– Почему ты плачешь?

Она стала ломать руки и ответила:

– Лиль хочет умереть!

– Тоуа понял. Женщины говорят о смерти, когда предают своего законного супруга. Тоуа знает, что женщина слабее мужчины. Он не стал убивать Лиль.

Но в его душу закралось подозрение, и он пошел посмотреть на прежнюю хижину своего хозяина, которая уже заросла травой.

Он увидел две линии, намеченные веревкой. Одна шла от хижины до середины плотины, а другая шла от Солдата на север.

В том месте, где линии пересеклись, Тоуа увидел широкую и глубокую яму.

Сокровище майора исчезло.

Тоуа вернулся в вигвам и томагавком отрубил Лиль голову.

Потом он похоронил ее и пошел по следу Золотого языка и Могиканина. Тоуа поклялся, что будет идти босиком, пока не привяжет к поясу скальп Могиканина...

Граф Альбер нагнулся и потрогал ноги Тоуа. Индеец был без сандалий.

– Тоуа еще не отомстил, – сказал индеец и опустил голову.

Больше Альбер не мог надеяться, что за него заплатят выкуп.

Тот француз, которого индеец прозвал Золотым языком, и имя которого Альбер впоследствии узнал, украл его золото, стоившее больше миллиона долларов.

– В какую сторону направились эти два человека? – спросил Альбер.

– Тоуа прошел за ними через всю Мексику до самого порта Акапуча, где они сели на корабль, который должен был обогнуть Огненную землю, а затем взять курс на север... Тоуа знает, как называется залив, в который направляется корабль... Это залив Делавэр.

– Балтимор! – прошептал Альбер де Розен.

Донна Кармель отвернулась и тяжело вздохнула.

– Ты немедленно должен уехать, – сказал граф.

Вместо ответа Тоуа подошел к нему, двумя руками надавил на виски и стал внимательно осматривать глаза.

– Тоуа не может, – наконец ответил индеец. – Он нужен хозяину... Тоуа умеет лечить травмами. Он вернет майору зрение.

Сердце графа Альбера едва не выпрыгнуло из груди. Я допускаю, дамы, что вы не сильно доверяете медицинским знаниям дикарей. Зато Розен имел на этот счет другое мнение. Он знал, что Тоуа никогда не хвастает. Когда Тоуа говорил: «Я сделаю это», можно было не сомневаться, что так оно и будет.

– Бог поможет мне! – воскликнул граф, пытаясь найти руку прекрасной сеньориты. – Я смогу увидеть вас, Кармель!

Он сделал паузу и произнес тоном, исполненным страсти:

– Я вновь увижу Хеллен!..

После этих слов Альбер почувствовал, как похолодела рука девушки, которую он сжимал.

– Сколько потребуется времени, чтобы вернуть мне зрение? – спросил Розен у Тоуа.

– Три летних месяца, – ответил индеец.

В то время еще только начинался сезон дождей.

Альбер задумался и спросил:

– Как давно два эти человека сели на корабль?

– Прошло уже пятьдесят дней.

Разумеется, в тот момент в сознании Розена ничто не связывало ограбившего его французского авантюриста и его невесту мисс Тэлбот.

Но кто знает, какими путями в наши души закрадывается предчувствие?

– Ты верен мне, и ты отважен, Тоуа! – внезапно воскликнул граф. – Мне абсолютно необходимо получить весточку от Хеллен!

– Уже шесть месяцев Тоуа ходит босиком, – ответил индеец. – Ноги у него крепкие, он может так проходить еще шесть месяцев.

– Ты отправишься в путь, – сказал граф, – и не остановишься, пока не дойдешь до Балтимора. Ты встретишься с Хеллен. Ты скажешь ей, что я люблю ее. Ты расскажешь ей о моем несчастье... ты пообещаешь ей, ты поклянешься моим именем и моей честью, что я стану богат и вернусь к ней с победой. Я хорошо ее знаю, она дождется меня... Бог еще не отнял у меня надежду на счастье.

Кармель вложила в руку Тоуа кусок золота.

– Тоуа, – прошептала она, – вы скажете мисс Тэлбот, что Кармель, ее сестра, с которой она не знакома, посылает ей поцелуй мира.

Тоуа поклялся, что будет двигаться без остановки, и покинул деревню.

Сеньор Хуан-Мария видел, как он быстро шел по равнине, и весь день потирал руки, будучи в полной уверенности, что индеец принесет выкуп за майора.

Казалось, что после ухода Тоуа ход времени замедлился. Граф Альбер считал дни. Приятные беседы с Кармель больше не облегчали его страдания, хотя Кармель говорила лишь о Хеллен и о его будущем счастье.

Душа ее была невероятно страстной и в то же время до святости милосердной. Заглянув в глубины ее сердца, вы непременно обнаружили бы в нем неисчерпаемый источник нежной преданности и бескорыстной любви.

Если бы сердце Хеллен было таким же...

Но именно Хеллен граф Альбер любил всеми силами своей души.

Тоуа все не возвращался. Кончился сезон дождей, прошла часть лета.

Граф часто просил Кармель:

– Поглядите на северо-восток.

Бедная Кармель теперь напоминала сидящую в башне сестрицу Анну²⁸. Она смотрела во все глаза, но ничего не видела.

Однако в один из вечеров она увидела вдалеке какую-то темную точку, двигавшуюся по саванне. Ее доброе сердце отчаянно забилося. Неужели она полагала, что Тоуа не вернется?

Розен уже давно научился угадывать ее мысли.

– Вы что-то видите, Кармель? – спросил он.

– Пока невозможно что-то различить, – ответила девушка, – но то, что я вижу, увеличивается прямо на глазах.

– Что это такое?

– Погодите... это мужчина... это всадник на коне... Его обжигают лучи заходящего солнца... он полуголый... его конь весь в пене и без седла.

– Тоуа! – воскликнул Розен. – Все пауни рождаются всадниками.

– Думаю, это и вправду индеец, – помолчав, сказала Кармель. – Он, словно бешеный, погоняет своего коня... Ах! – внезапно вскрикнула она. – Конь вместе с всадником свалился в овраг... Тоуа!.. Это точно Тоуа!.. Он вытащил коня и подгоняет его изо всех сил... Он все ближе!..

Розен стоял у окна рядом с Кармель. Он из последних сил сдерживал себя, чтобы не сорвать с глаз повязку. Ему страстно хотелось увидеть издали лицо индейца и понять, какие новости его ждут.

Внезапно Кармель вновь закричала:

– Он опять упал. Теперь он поднялся и смотрит на своего рухнувшего коня... Теперь он бежит, его конь пал...

– Индеец обут? – спросил Розен.

– Он бос... его ноги в крови.

Розен прошептал:

– Значит, он так и не отомстил!

Через четверть часа индейца по приказу дочери старосты пропустили в тюрьму.

По его обритой голове ручьями стекал пот. Сохранившаяся на макушке длинная прядь волос была насквозь мокрой.

Тоуа молча застыл посередине комнаты. Он так и не восстановил дыхание, и его грудь продолжала тяжело вздыматься.

В соответствии с обычаем своего племени он ждал, когда ему зададут вопрос.

– Что ты можешь мне сказать, Тоуа? – дрожащим голосом спросил Розен.

– Золотой язык, – ответил Тоуа, – обманул женщину майора так же, как Могиканин обманул жену Тоуа.

Розен смертельно побледнел и рухнул на руки Кармель.

²⁸ Персонаж сказки Шарля Перро. Сестра жены Синей Бороды, следившая за дорогой в ожидании спасения.

Тоуа по-прежнему стоял, не шелохнувшись, и молчал.

– Этот человек жив? – с огромным трудом выговорил Розен.

Индеец указал на свои босые ноги.

– Я успел занести свой томагавк, но в этой большой деревне много стражников... В течение двух лун Тоуа сидел в тюрьме.

Больше Розен ничего не спросил. Он молча просидел больше часа, обхватив голову руками.

Кармель попыталась поговорить с индейцем, но тот отверг все ее попытки.

Через час Розен встал и промолвил:

– Я должен уехать.

Кармель показалось, что у нее останавливается сердце. Однако она собралась с силами и сказала умирающим голосом:

– Вы уедете, Альбер.

Розен ждал ее в объятиях, но она оттолкнула его.

– Тоуа, – сказала она, – идите готовьте лошадей... в полночь ваш хозяин будет ждать вас по ту сторону укреплений.

Тоуа шагнул к двери. Но перед тем, как переступить порог, он развернулся и пал на колени перед Кармель.

Он пал на колени перед Кармель

– Почему эта женщина не стала женой майора? – прошептал он. – Но бледнолицый не станет убивать женщину, которая его обманула... он любит ее!..

Кармель жестом указала ему на дверь. Ее губы скривила гримаса боли.

Когда он вышел, она сказала:

– Альбер, я люблю вас. Когда вы уедете, я умру... Я знала, что придет день, когда вы скажете: «Мне надо уехать...» Я хочу того же, чего хотите вы... Я свила шелковые веревки, по ним вы спуститесь с окружающей деревню стены.

Розен опустился на колени на том самом месте, где только что стоял индеец. Граф не мог вымолвить и слова, Кармель почувствовала на руке его слезы.

В полночь Кармель и Розен все еще находились в тюрьме. Кармель своими руками привязала шелковую веревку к оконной решетке и выглянула из окна. Веревка на несколько метров не доставала до земли.

Розен услышал сигнал Тоуа и сказал:

– Я прыгну.

Но донна Кармель удержала его в тот момент, когда он уже собирался вылезти в окно. Она быстро разорвала на полоски свою нижнюю рубашу и шелковый *ребосо*²⁹, эту прекрасную мантилью, которая так украшает мексиканских женщин. Из полосок она сплела веревку и связала концы двух веревок.

Но веревка все равно оставалась слишком короткой.

Розен услышал, как она шепчет:

– Он не может меня увидеть!.. Он слепой...

Тем не менее перед тем, как снять с себя последнюю одежду, она погасила свет.

Но и после этого веревка оказалась слишком короткой.

Оставались только ее волосы, прекрасные восхитительные черные волосы, ниспадавшие пышными локонами и покрывавшие ее, словно королевская мантия. Несмотря на ночь и слепоту Розена донна Кармель на какое-то время стыдливо замешкалась, но сумела взять себя в руки. Трясаясь от стыда, она запустила ножницы в свою великолепную шевелюру, и волосы волнами упали к ее ногам.

Затем она сплела тугую косу и удлинила веревку, которая достала до травы, растущей у башни.

– Теперь уходите, – сказала Кармель. – Пусть Бог заберет все мое счастье и отдаст его вам!

Розен попытался найти ее, чтобы запечатлеть на лбу последний поцелуй, но она увернулась...

Джордж Лесли промокнул платком лоб, на котором блестели капли пота.

Бледная взволнованная Элен промолвила:

– Если бы он не любил Хеллен, он полюбил бы Кармель...

²⁹ Ребосо – традиционная женская накидка у народов Латинской Америки, в ней также носят за спиной детей.

VI Договор

Джордж тоже сильно побледнел. Он выпил глоток воды, после чего к нему обратилась маркиза:

– Отдохните, господин Лесли... Все, что вы рассказываете, невероятно интересно!

– Осталось недолго, мадам, – ответил Джордж, – и я хотел бы немедленно продолжить.

Тут мы должны отметить, что с некоторых пор поведение виконта Анри де Вилье заметно изменилось. Он тихо пил чай, усевшись в уголке, а в самые драматичные моменты повествования слегка кивал головой. Немного нашлось бы светских львов, которые выглядели бы столь же беззаботно, как выглядел виконт Анри де Вилье, слушавший рассказ Джорджа Лесли.

Лишь один раз он, указав на Элен, прошептал на ухо маркизе:

– Взгляните, моя кузина все это воспринимает всерьез!

– Ах, друг мой, – ответила маркиза, – она ведь права... Это очаровательно... очаровательно!..

Ни виконт, ни маркиза, разумеется, даже не догадывались о том, какой странный ход приобрели мысли Элен.

Читателю уже известно, что она проговорила:

– Если бы он не любил Хеллен, он полюбил бы Кармель...

Какое ей было дело до этого? Она ведь никогда не встречалась с графом Альбером де Розеном.

Тем временем виконтессы думали о том, что они в подобной ситуации могли бы пожертвовать платьем, в крайнем случае нижними юбками, но только не шевелюрой!

Тем более волосами, спускающимися едва ли не до пола!

Однако нашлась баронесса, которая смело заявила:

– Я готова поступить точно так же!

Эта баронесса носила накладную косу.

– Боже! – сказал де Вилье. – Эта сеньорита была вольна завести себе прическу в стиле Нинон³⁰.

– Кстати, – добавила маркиза, – мужчины без ума от герцогини де Ривас, а ведь она носит короткие волосы...

– Между прочим, завтра она дает бал, – вмешался старый О'Брайен, – говорят, он будет великолепен.

Тут маркиза потребовала тишины, и Джордж Лесли продолжил рассказ.

– Уже через несколько минут майор и Тоуа скакали по прерии.

Тоуа вел лошадь майора на поводу.

Кармель, несомненно, стояла у окна, прислушиваясь к затихавшему топоту копыт. С той поры Альбер ни разу не слышал нежного голоса Кармель.

Они скакали всю ночь. На рассвете впереди показались покрытые лесом холмы, стоящие вдоль течения Рио-Хила.

– До сих пор мы двигались прямо на север, – сказал Тоуа. – Куда мы двинемся дальше: налево к Голден-даггерам или направо в северо-восточные штаты?

– Мы направимся в Балтимор, – ответил граф Альбер.

Тоуа, не говоря ни слова, повернул туда, куда велел хозяин.

³⁰ Намек на Нинон де Ланкло, известную куртизанку, которая в знак клятвы принадлежать только своему любовнику, заподозрившему ее в неверности, отрезала свои роскошные волосы и послала их обиженному ревнивцу.

Посреди равнины им повстречался табун полудиких лошадей. Они поймали двух коней и мчались на них до тех пор, пока не стало ясно, что им удалось оторваться от возможных преследователей.

После того как они перевалили через Сьерра-де-лос-Мимбрес, Розен сказал:

– Побережем коней, нам больше не встретятся табуны.

– Лошадей продают в Санта-Фе, – возразил индеец.

Граф печально улыбнулся и прошептал:

– А у тебя есть деньги, чтобы заплатить за них?

Тоуа достал из-за пояса полный золота кошелек и потряс его. Зазвенело золото.

Граф даже остановился от удивления, а индеец пояснил:

– Пока Тоуа ждал ночью хозяина у деревенских укреплений, этот кошелек бросили к его ногам из башни.

Граф молитвенно соединил руки и возблагодарил верную Кармель.

Двигаясь то верхом, то пешком, путешественники пересекли цепи Скалистых гор. За это время Розен несколько раз выслушал печальную историю Хеллен.

Тоуа никакого понятия не имел о нравах и обычаях нашей цивилизации. Все известные ему факты он излагал на свой манер, а Розен, как мог, интерпретировал услышанное.

Вот, что понял Розен из рассказа Тоуа:

К тому времени, когда француз, которого Тоуа прозвал Золотым языком и которого я буду называть Эдуаром, прибыл в Балтимор, прошло уже больше года со дня расставания графа с Хеллен.

Ни одно из писем, написанных Розеном Хеллен, не дошло до адресата. Девушка, разумеется, места себе не находила от беспокойства. Я не стану повторять, что Хеллен была очень красива. Тем, кто ее никогда не видел, достаточно взглянуть на очаровательное лицо мадемуазель де Буатрюдан. Известно, что они похожи, как сестры-близнецы. Француз Эдуар, увидев ее, пришел в полный восторг.

Сейчас я нахожусь во Франции и пользуюсь гостеприимством вдовы французского дворянина. Одно это обстоятельство требует от меня осмотрительности в выражениях, но мне это ни к чему. Розен любит и уважает французских дворян, хоть и не скрывает, что среди них встречаются люди недостойные.

Эдуар был дворянином. В горах Сьерра-Невады Эдуар ограбил Розена. Он повел себя, как коварный и трусливый вор.

В Балтиморе Эдуар совершил подлость.

Он втерся в доверие к семейству Тэлбот. Я с сожалением должен отметить, что, заговорив о Париже, он использовал в качестве рекомендательного письма имени общих друзей и главным образом самые дорогие имена: госпожи маркизы и мадемуазель де Буатрюдан...

– Как! – воскликнула маркиза. – Значит, мы знакомы с этим человеком!

Джордж Лесли собирался ответить, но не успел.

Вмешался виконт Анри де Вилье, который отрывисто и уверенным тоном сказал, подмигнув маркизе:

– Дорогая кузина, все, что рассказывает господин Лесли, полностью соответствует действительности... Вы понимаете, что мне известны детали этой печальной истории... Если господин Лесли не возражает, я сообщу вам настоящее имя господина Эдуара... но лишь вам одной!

Старый генерал О'Брайен бросил на Анри де Вилье растерянный взгляд.

Джордж Лесли спокойно произнес:

– Я ничего не требую, господин виконт... эта история касается вас точно так же, как и меня... даже в большей степени вас, потому что вы первым узнали о ней.

Виконт Анри приветственно взмахнул рукой и одарил Джорджа очаровательной улыбкой.

Лесли ответил ему улыбкой, но его улыбка была холодной и слегка насмешливой.

– Миссис Тэлбот и ее дочь, – продолжил Лесли, – после трагической смерти хозяина дома жили в полном уединении. Этот Эдуар, имя которого известно и господину виконту, и мне, – (Анри утвердительно покивал головой, а старый генерал заерзал в своем кресле), – был принят в доме Тэлботов.

Вскоре он полностью освоился в этом доме.

Когда при нем впервые заговорили о графе, он неожиданно впал в глубокую печаль. Когда же его спросили о причине печали, он придумал легенду: мол граф был убит мексиканцами, и он своими глазами видел его труп...

– Да этот человек – чудовище! – воскликнула возмущенная маркиза.

– Чудовище! – повторила Элен.

– И не говорите!.. – пробормотал виконт Анри. – Примите во внимание, что господин Джордж Лесли отзывается о нем крайне сдержанно.

– Он ничего не преувеличивает? – спросил старый генерал, взглянув виконту в глаза.

– Наоборот... наоборот! – нарочно повторил Анри де Вилье.

Затем, приблизившись к маркизе и Элен, он сказал:

– Я несколько раз собирался рассказать вам об этом, но случайно узнал, что Элен была дружна с мисс Тэлбот, и боялся причинить ей боль.

Маркиза, сама не своя от любопытства, привлекла его к себе.

– Скажите имя, – прошептала она, – его настоящее имя!

– Завтра, – отозвался виконт, высвобождаясь из крепко ухвативших его рук. – Я приеду пораньше.

– Я не буду останавливаться на деталях, дамы, – продолжил рассказ Джордж Лесли, – во всяком случае, на деталях, касающихся мисс Тэлбот. Мне кажется, что вы и так до всего догадались. Эдуар был очень красив, ловок и влюблен. Он предложил руку и сердце той, которая еще в девичестве стала вдовой. Она приняла его предложение. Он злоупотребил своим положением жениха, и Хеллен согрешила.

Вот и все, что узнал граф Альбер до того, как прибыл в Балтимор.

После того, как индеец поведал ему эту историю, граф сказал:

– Ради мести я отдам всю свою кровь... но я слепой.

– Тоуа собрал по пути травы, которые вернут зрение хозяину, – ответил индеец. – Пока хозяин будет лечиться, Тоуа сам сможет убить негодяя.

Но граф Альбер никогда бы не согласился, чтобы за него мстил кто-то другой.

После шести дней пути путники добрались до Арканзаса. Оттуда ходил пароход до Киефа³¹. Розен и Тоуа сели на него, и тем же вечером Тоуа приступил к лечению хозяина.

Никто никогда не узнает рецепт чудодейственного лекарства. Большую часть дня Тоуа кипятил собранные им травы. Когда напиток был готов, он долго делал пассы над сосудом и бормотал заклинания, а пока Розен пил его, индеец пел и танцевал.

– Отец Тоуа исцелял слепых, – сказал он. – Я все делаю так, как завещал мне отец... Тоуа не знает, почему этот напиток излечивает.

Когда Розен улегся в кровать, Тоуа простер над ним руки, и графа стало непреодолимо клонить ко сну.

После того, как он проснулся, индеец сказал:

– Вы спали двенадцать часов. Не трогайте руками повязку. Через пятьдесят дней вы будете видеть...

³¹ Город в Северной Дакоте.

Путешествие от Арканзаса по Миссисипи и Огайо длилось целый месяц. Каждый вечер Тоуа менял повязку и укладывал на лицо Альбера какие-то крупные листья, пропитанные мазью. После этого он совершал наложение рук и граф засыпал...

Внезапно голос Джорджа Лесли стал глухим и отрывистым:

– Теплой августовской ночью они оказались в Балтиморе. Город спал.

Тоуа вел Альбера де Розена по пустым улицам, держа его за руку.

Ноги графа подгибались под тяжестью его тела.

Тоуа остановился перед скромным домом на улице Лонг-Айленд и сказал:

– Это здесь!

– Горит ли свет в окнах? – спросил Розен.

– Я вижу свет, – ответил Тоуа. – В доме не спят... Я вижу, как там двигаются тени.

– Тогда стучи.

Тоуа взял дверной молоток и постучал.

– Это наконец-то вы, господин Эдуар? – спросил голос за дверью.

– Да, – ответил внезапно решившийся граф Альбер.

– Дверь немедленно отворилась, и кормилица Хеллен взяла в свои руки обе руки графа.

– Господин Эдуар, – рыдая, сказала кормилица, – она только что родила несчастного ангелочка... Неужели вы позволите ей умереть?

– Маргарет, – сказал граф, – я Альбер де Розен, и я хочу говорить с Хеллен.

Маргарет отпрянула от графа и закрыла лицо руками...

В гостиной миссис Тэлбот горела лампа.

За стеной слышались стоны Хеллен.

Граф Альбер и француз Эдуар были одни в гостиной.

Эти два человека впервые встретились лицом к лицу.

Граф Альбер, который в то время был слеп, не мог видеть француза. Француз не мог видеть графа Альбера, лицо которого почти полностью было скрыто под маской.

Француз сказал:

– Несчастны те женщины, которым для их защиты требуются странствующие рыцари. Если бы вы не явились, я, возможно, пожалел бы мисс Тэлбот.

– Вы отказываетесь жениться на мисс Тэлбот? – спросил Розен, сдерживаясь из последних сил.

– Отказываюсь! – ответил француз и направился к выходу из гостиной.

– Оставайтесь, – сказал граф. – Если вы покинете этот дом без моего разрешения, считайте, что вы мертвы!

– Убийство!.. – воскликнул француз.

– Возмездие! – произнес Розен и схватил француза за руку.

За стеной раздался жалобный голос.

Хеллен кого-то звала.

– Послушайте, – сказал Розен, – если вы женитесь на ней, я подарю вам все золото, которое вы у меня украли.

Француз расхохотался.

– Если вы отказываетесь, тогда я вызываю вас на поединок.

– Вы? – удивился француз. – Но вы слепой!

– Поединок не на жизнь, а на смерть... – медленно проговорил Розен. – Забудьте о повязке на моих глазах. Мы встанем друг напротив друга, я положу руку на ваше плечо, а вы на мое...

– А потом победителя схватит полиция!.. – сказал с насмешкой Эдуар.

– Я все предусмотрел, – возразил Розен. – Я способен писать с повязкой на глазах. Каждый из нас напишет записку такого содержания: «Я добровольно убил себя своей собственной рукой». Я подпишу свою записку, а вы свою. Выживший положит записку рядом с трупом.

Француз продолжал отказываться, но Розен сказал ему:

– Тоуа стоит за дверью. Он вооружен.

– Согласен! – воскликнул француз. – Мы будем биться через час. Мне надо написать письмо. Я вернусь со своим оружием.

– Сначала подпишите, – сказал Розен.

Розен заранее разложил на столе письменные принадлежности. Он первым нацарапал крупным разборчивым почерком уже известные нам слова и подписал: *граф Альбер де Розен*.

Француз также схватил перо и написал те же слова.

Розен вслушался в скрип, которое издавало перо, когда француз ставил подпись.

– Каким именем вы подписали? – спросил он.

– Эдуар ***, – ответил француз.

Розен взял записку и разорвал ее.

– Это имя вора и насильника, – сказал он. – Я хочу, чтобы вы подписали именем дворянина... настоящим именем.

Француз стукнул кулаком по столу.

– Не надо шуметь, – сказал Розен. – Не надо, чтобы нас слышали... Пишите еще раз... я знаю ваше настоящее имя.

Затем он позвал Маргарет и приказал ей:

– Разбудите вашего сына и приведите сюда.

У Маргарет был десятилетний сын. Появился мальчик, и Розен велел Маргарет выйти из гостиной.

Француз долго колебался, но в конце концов выполнил требование Розена. Когда Маргарет входила в гостиную, он увидел сквозь приоткрытую дверь темную фигуру Тоуа с томагавком в руке.

Розен во второй раз прислушался к скрипу пера.

– Отдайте записку мальчику, – сказал он.

Когда записка оказалась у мальчика, он сказал:

– Читай, Николая, читай, сынок, получишь доллар на пуддинг.

Мальчик четким голосом, словно на уроке в приходской школе, прочитал страшный текст: «Я добровольно убил себя своей собственной рукой». И подпись...

Все присутствующие насторожились.

Маркиза резко встала, а виконт Анри де Вилье в противоположность ей опустился в кресло.

Джордж Лесли, страшно взволнованный собственным рассказом, едва не произнес имя, которое собирался утаить, но тут генерал внезапно со смешком произнес:

– Подписано настоящим именем французца.

Виконтессам страстно захотелось побить генерала. Маркиза пообещала, что никогда в жизни ему этого не простит.

Анри де Вилье попытался улыбнуться, поправил галстук и сказал:

– Похоже, он и на этот раз увильнул.

– Подписано, – строгим голосом произнес Джордж, – настоящим именем французца, вором и насильником... Розен выдал мальчику доллар и положил записку в бумажник.

Француз он сказал:

– У вас есть один час. Тоуа отправится с вами.

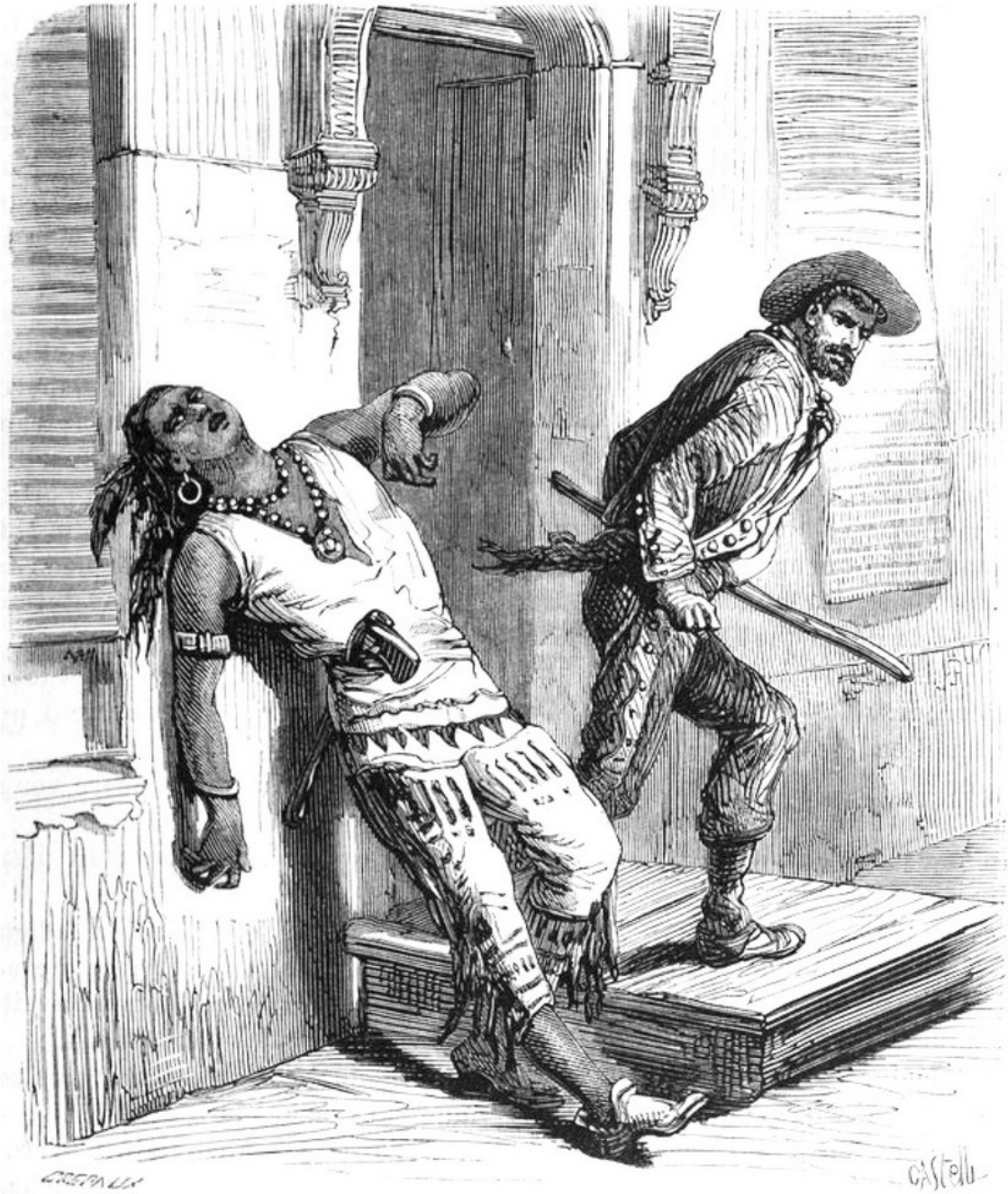
Затем он сказал индейцу:

– Если он попытается сбежать...

Тоуа сжал рукоятку томагавка.

Француз и Тоуа удалились.

Едва они вышли на улицу, как Тоуа получил сзади удар цепью по голове и рухнул без чувств.

Он рухнул без чувств

За дверью их поджидал Могиканин, слуга француза.

Той же ночью француз и Могиканин добрались до Аннаполиса и сели на пакетбот, отправлявшийся в Гавр...

– По всему видно, что этот человек трус! – сказала Элен, гневно сверкая глазами. – Я так и думала!

Эти слова были произнесены громко и решительно.

Все присутствующие в будуаре были немало удивлены, поскольку Элен считалась девушкой робкой и нерешительной.

Джордж Лесли с благодарностью взглянул на нее. Он жестом потребовал тишины и сказал:

– Я закончил. То, что я рассказал, произошло на самом деле... реальные истории не всегда имеют трагическое завершение, отвечающее ожиданиям любопытной публики...

– А что стало с бедняжкой Хеллен? – спросила маркиза.

– Целых шесть месяцев она находилась между жизнью и смертью.

– А ее ребенок?

– Ребенок жив. Это очаровательная девочка.

– А как поживает миссис Тэлбот?

– Похоже, что у миссис Тэлбот повредился рассудок... безмерная печаль убьет ее.

В будуаре поднялся ропот, в котором потонули последние слова этого приватного диалога.

– А что граф Альбер? – хором вопрошали дамы. – Что стало с Альбером де Розеном?

– Не знаю, – ответил Джордж.

– Его зрение восстановилось?

– Все время, что я прожил в Балтиморе, граф Альбер оставался слепым.

– Истек ли пятидесятидневный срок?

– Нет, дамы.

– А что случилось с Тоуа?

– Поскольку Тоуа индеец, он будет преследовать своего врага Могиканина до самого ада.

– Получается, что история еще не завершилась.

– Она завершится, дамы, – внушительным тоном ответил Джордж Лесли. – Позвольте мне, как пишут в газетах, осветить нынешнее положение дел. Остаются два человека, документально подтвердившие, что они готовы добровольно расстаться с жизнью.

– Кажется, за океаном это называется *дуэль по-американски*.

– Заключенный сторонами договор во всех отношениях хорош, и обе стороны его формально одобрили... Один из этих двух людей скрылся за океаном, но в наше время океан не может считаться серьезным препятствием! Сейчас достаточно двух недель, чтобы его пересечь. Из Нью-Йорка теперь можно быстрее добраться до Парижа, чем когда-то добирались из Марселя или По... Граф Альбер скоро появится здесь... И тогда один человек умрет... довольно скоро в ваших кругах недосчитаются какого-нибудь блестящего кавалера, и произойдет это вследствие несчастного случая либо неожиданной смерти по неясным причинам... подробности мне неизвестны... И тогда, дамы, вы вспомните, как потратили время, слушая меня, и каждая из вас подумает: «Вот и развязка истории!»

Закончив говорить, Джордж встал и, как прежде, небрежно примостился у мраморной окантовки камина.

Сидевшие в будуаре принялись активно перешептываться.

Внезапно звучный голос виконта Анри де Вилье перекрыл шушуканье собравшихся дам.

Обращаясь к своим соседям, виконт необычайно быстро проговорил:

– Таковы эти чертовы янки. Их дуэли ничем не отличаются от обычных убийств... Прошу заметить, что у француза, о котором говорил господин Лесли, даже не было возможности обратиться к местным властям, чтобы искать у них защиту, потому что в этом случае он был бы вынужден раскрыть свою тайну... Получается тупик: бесчестье или смерть! Если только, – совсем тихо добавил виконт, – если только он не опередит графа Альбера и не выиграет всю партию!

– У графа Альбера имеется преимущество, – прозвучал рядом с ним голос старого О'Брайена, от которого виконт содрогнулся. – Мало, кто сможет указать французу: «Этот чело-

век и есть Альбер де Розен...» Зато у Альбера де Розена имеется друг, который, скорее всего, уже указал ему на француза...

– Вот мы и поглядим! – поспешно перебил его виконт.

Старый генерал отвернулся, чтобы ответить на вопрос маркизы.

– Хорошо ли вы знаете Джорджа Лесли? – спросила она.

– Я хорошо его знаю, – ответил генерал. – Я познакомился с ним на пароходе, который шел из Дувра в Кале.

– Это все, что вы можете сказать?

– Да... и этого достаточно... Прекрасный молодой человек... мыслит здраво, а истории умеет рассказывать – м-м-м...

Генерал даже поцеловал кончики пальцев.

– Прекрасно, прекрасно! – с видом знатока заявила маркиза.

– Мы еще поговорим о нем... – поддержал ее генерал. – Смотрите, он собирается подойти к вашей дочери. Ей-богу, выглядит он совсем не плохо!

В этот момент лакей объявил, что в зимнем саду подали чай. Открылись застекленные двери малой гостиной, и в будуар проникли терпкие запахи тропических растений.

Гости маркизы двинулись в сад, а Джордж Лесли, воспользовавшись всеобщей суетой, подошел к Элен.

После окончания рассказа Джорджа девушка впала в задумчивость. Несколько раз она пыталась перехватить его взгляд, но из этого ничего не вышло. Внезапно она увидела его рядом с собой и ощутила необъяснимое волнение.

– Мадемуазель, – сказал Джордж, явно стараясь справиться со смущением, – у нас в Америке совсем не такие порядки, как во Франции. Не знаю, допустимо ли в Париже просить молодую особу, к которой испытываешь благоговейное почтение, уделить время для частного разговора?

Элен невольно улыбнулась и ответила:

– Нет, сударь, это не допустимо.

– А если необходимо сообщить нечто чрезвычайно важное?

– Тогда следует говорить с ней в присутствии матери.

– Но, если необходимо скрыть от матери тему разговора?..

– В Париже, сударь, – перебила его Элен, – матери должны быть в курсе всего.

– В таком случае, мадемуазель, мне не удастся выполнить поручение, данное в отношении вас мисс Тэлбот.

– Хеллен! – воскликнула девушка.

Затем она ответила, не поднимая глаз, поскольку совсем близко был слышен голос ее матери:

– Завтра... в посольстве Бразилии... во время первого вальса на балу герцогини де Ривас...

Джордж почтительно поклонился и ушел.

VII Зимняя ночь

Едва Джордж переступил порог малой гостиной, как сразу столкнулся с маркизой и виконтом Анри.

Маркиза в это время втолковывала виконту:

– Послушайте, кузен, вы просите, чтобы я вас представила господину Лесли, но вы не знаете, как все обстоит на самом деле... Этот молодой человек беден и ищет для себя место. Я сделаю, как вы просите, но и вы в свою очередь сами должны кому-нибудь его представить. А вот и господин Лесли! – воскликнула маркиза, резко сменив тему разговора. – Хочу сообщить вам, господин Лесли, что генерал только что говорил со мной о вас. В его лице вы имеете весьма надежного покровителя... Не сомневаюсь, что с вашим умом и опытом, приобретенным за время странствий, вы найдете в Париже прекрасное место... А сейчас, Анри, я хочу представить вам господина Джорджа Лесли и отрекомендовать его, как человека во всех отношениях выдающегося.

Виконт ответил:

– Я очень рад знакомству с господином Джорджем Лесли.

После этих слов маркиза немедленно покинула молодых людей и направилась к гостям.

Анри и Джордж остались лицом к лицу.

Анри заговорил первым:

– Должно быть, вы искали встречи со мной, – неуверенно сказал он. Казалось, что виконт с трудом подбирает верные слова.

– Я действительно хотел познакомиться с вами, – отозвался Джордж.

Анри протянул руку, которую Джордж решительно пожал.

– Вы хотите что-то мне сказать? – помолчав, спросил виконт. Пока длилась пауза, он безуспешно пытался отыскать в глазах Джорджа признаки интереса к своей персоне.

– Ничего, – ответил Джордж.

Затем, помолчав, он добавил:

– Когда я намереваюсь с кем-то поговорить, я должен быть расположен к разговору.

Виконт, пожав ему руку, сказал:

– Понимаю... давайте уйдем отсюда вместе.

– Нет, – решительно отказался Джордж, – я не могу уйти с вами.

Анри бросил на него удивленный взгляд. Казалось, он в чем-то подозревал собеседника.

– Вы также откажетесь сесть в мою карету? – спросил он.

– В холодную погоду я люблю ходить пешком, – сообщил Лесли. – Как называется тот мост, что находится недалеко отсюда по соседству с бывшим королевским дворцом?

– Королевский мост.

Джордж посмотрел на часы.

– Через полчаса, – сказал он, – я буду ждать вас на Королевском мосту, если вы не против.

– Договорились, – отозвался виконт, – через полчаса.

Они расстались. Когда Джордж попрощался со старым генералом, тот спросил:

– Вы довольны?

– Пойму это только через час, – ответил Джордж.

Пожав руку генералу, он вышел в прихожую, завернулся в плащ и вышел на улицу.

Человек, устроившийся на набережной Орсе, по-прежнему находился в проеме кучерской двери в стене садовой ограды особняка Буатрюдан. Он лежал неподвижно, обхватив голову руками.

Неподалеку от этого места расположился полицейский пост, на котором уже несколько раз производилась смена караульных, но никто так и не заметил человека, чей серый плед полностью слился с серой стеной, окружавшей старый сад.

В такую погоду лежавший в нише бедолага вполне мог окоченеть от холода и умереть.

Вскоре после того как Джордж Лесли покинул особняк маркизы, на заснеженной набережной со стороны улицы Бельшас послышались быстрые шаги. Какой-то человек, закутанный в теплый плащ, обогнул полицейский пост, вышел на набережную и направился в сторону площади Согласия.

Тут же выяснилось, что неизвестный человек, примостившийся у двери сада семейства Буатрюдан, не только жив, но и не окоченел. Как только до него долетел приглушенный снегом звук шагов, он немедленно приподнял голову, сбросил с себя плед и стал напряженно прислушиваться.

Стоило мужчине в плаще поравняться с ним, как лежавший в дверной нише человек издал хриплый горловой звук.

Мужчина немедленно остановился и сказал:

– Вот ты где. Иди за мной, уже пора.

Человек в пледе выскочил из ниши, словно вытолкнутый мощной пружиной. Оказалось, что он высок ростом и держится прямо, как гвоздь. Его плед развеялся на ветру и волочился по земле.

Он беззвучно двинулся за мужчиной в плаще.

Оба направились в сторону улицы Бельшас. Когда они проходили мимо стоявшего на посту часового, тот внимательно посмотрел на бедолагу в пледе и процедил сквозь зубы:

– Что-то рано ты сегодня поднялся, бедуин.

Ответа не последовало. И только мощный порыв ветра подхватил край пледа несчастного горемыки и бешено закрутил его в воздухе.

Часовой подумал: «Станный тип! Ходит по снегу босиком, а лицо размалевано красной краской... Наверное, возвращается с карнавала».

Тем временем на улице Лилль перед главным входом в особняк семейства Буатрюдан выстроилась вереница экипажей. Человек в пледе остановился посреди улицы и застыл в полной неподвижности, а его компаньон занял позицию напротив особняка.

Перед тем, как расстаться с владельцем пледа, мужчина в плаще спросил:

– Ты уверен, что узнаешь его?

– Тоуа узнает Золотого языка среди тысячи бледнолицых! – ответил человек в пледе.

– Когда он покажется на пороге, я свистну... смотри в оба.

Несколько кучеров, умудрившихся не заснуть на своих промерзших сидениях, обратили внимание на странного типа, засыпанного снегом и похожего в своем пледе на привидение, который стоял посреди улицы прямой, как столб.

В Париже никто не обращает внимания на костюмы бродяг, которые шатаются вокруг богатых домов и похожи на проворных воробьев, скачущих вокруг деревенского жилища.

Кучера приняли его за вольного художника, привыкшего околачиваться у парадных лестниц. Такого рода попрошайки занимают на социальной лестнице самые постыдные ступени, расположенные ниже нулевой отметки, причем стоят они на одну ступень ниже торговцев контрамарками.

Между тем мороз становился все сильнее, а тут еще задул резкий северо-восточный ветер и принялся нещадно хлестать по лицам людей. Спавшие кучера проснулись и начали изо всех сил бить в ладоши, пытаясь восстановить нарушенное кровообращение. И только Тоуа не чувствовал холода и продолжал стоять, словно статуя.

Северо-восточный ветер донес из Тюильри бой часов, прозвонивших четыре часа утра.

Внутри особняка началось движение, и наконец настежь отворилась двустворчатая парадная дверь.

Кареты подкатили ближе к воротам. В окруженном колоннадой внутреннем дворе зазвучали голоса лакеев, выкрикивающих благородные имена гостей маркизы.

Тоуа проскользнул между экипажами и застыл напротив парадного въезда.

– Карета виконта де Вилье! – выкрикнул лакей.

По сонной улице пронеслась трель свистка.

Тоуа подошел поближе. Появился виконт. Заметив пылающий взгляд индейца, он отшатнулся, словно его ударили по лицу.

Глаза его непроизвольно закрылись, и он почувствовал сильное головокружение.

Виконт сразу решил, что его одолевают видения. Когда он открыл глаза, оказалось, что призрак исчез.

Анри сел в карету и приказал кучеру:

– К Королевскому мосту!

Человек в плеле направился к своему компаньону, прячущемуся напротив особняка, и коротко объявил:

– Это он!

На часовой башне пробило четверть пятого.

В тот же момент посередине Королевского моста остановился элегантный экипаж, запряженный парой породистых черных лошадей. Открылась дверца, и из кареты вылез человек в вечернем костюме, поверх которого было накинуто подбитое мехом пальто.

Лошади били копытами, и от них густо валил пар.

Экипаж двинулся дальше, а человек в пальто остался на мосту.

Еще несколько экипажей с гостями особняка Буатрюдан проехали по мосту. Они двигались мягко и бесшумно, словно ехали по дороге, устланной соломой. Такую солому принято укладывать перед домами сильных мира сего после того, как смерть уравнивает их с плебсом, над которым они возвышались при жизни.

В этом и заключается печальное преимущество богатого над бедным: богатому вокруг его смертного ложа гарантированы тишина и покой, за которые он платит деньги, а мертвый умирает бесплатно и как придется.

Впрочем, обоих поджидает один и тот же суд Божий, на котором их праведные дела и прегрешения будут взвешивать на одних и тех же весах...

После того как проехал последний экипаж, мост погрузился в странную тишину, окутывающую Париж по ночам с двух до пяти часов утра.

Не были слышны даже шаги стражников в Тюильри. Только время от времени доносился глухой скрежет с реки, по которой медленно плыли огромные глыбы льда.

Виконт Анри де Вилье перешел на западную сторону пешеходной части моста. Его качало, будто он был пьян.

Анри остановился и прислонился к парапету, но не для того, чтобы любоваться рекой. Ему надо было обо что-нибудь опереться.

Ночь выдалась исключительно красивой и светлой. Сена величественно несла плавучие островки льда, обильно припорошенные снегом. Набережные бесконечной чередой пролегли по обе стороны моста и излучали неведомый колдовской свет, приглушенный тусклым светом фонарей, а сами фонари выстроились в бесконечный ряд и пропадали в терявшейся из виду перспективе.

Справа виднелись деревья сада Тюильри. Они слились в одну густую массу, которая казалась черной несмотря на то, что каждая ветка сгибалась под весом налипшего белого снега.

Ночь была невероятно хороша. Она выглядела спокойной, величественной и немного печальной.

Виконт Анри де Вилье обхватил голову руками.

Кровь отхлынула от его заледеневших ног и прилила к мозгу. Лоб виконта пылал.

Невидящий взгляд Анри уперся в большие куски льда, которые замедляли ход под мостом, сдерживая течение реки, заметно уставшей от своей тяжелой ноши. Время от времени его взгляд намертво приклеивался к одной из льдин и невольно сопровождал ее, пока льдина не пропадала за пределами видимости.

Внезапно все его тело охватила неприятная дрожь.

Виконт резко выпрямился, словно в нем взыграла уязвленная гордость, и принялся рассуждать вслух:

– Что такое?.. Ведь я не раз смотрел смерти в лицо... меня столько раз подстерегали опасности... Уж меня-то никто не может обвинить в трусости!

Тем не менее дрожь усилилась, у него застучали зубы.

– Это лихорадка, – вновь заговорил виконт. – У меня лихорадка и поэтому мне плохо!

Ночью все дома на набережной Орсе казались черными. Окна светились только в особняке семейства Буатрюдан, который хорошо было видно с моста.

Глаза виконта встретились с этими огоньками, пробивавшимися сквозь ветки деревьев, и он поспешно отвел взгляд.

С его губ сорвалось имя Элен.

– Я ничего не боюсь, – повторил он, – но я ее люблю... Мне только тридцать лет, в этом возрасте человек еще способен любить... Но если об этом узнает весь Париж!..

Из его груди вырвался звук, похожий на стон. Локти Анри утонули в снегу, засыпавшем парашют, а его ладони еще сильнее сжали виски.

«Обесчещенный дворянин, – подумал он, – с высоты своего положения падает ниже, чем обычный человек!»

Неожиданно вверх и вниз по течению распространился громкий скрежет, сложившийся из множества резких сухих звуков, возникающих от столкновения несметного числа ледяных глыб. Казалось, что на всем протяжении реки, от Бульвара Королевы до моста Карусель, сошлись сразу все льдины. Раскатистый звук шел от нижнего течения и двигался в сторону старого города.

А затем он постепенно затих.

Вновь сгустилась звенящая тишина.

Льдины окончательно встали под Королевским мостом, и парализованная река умолкла. Огни фонарей, еще недавно отражавшиеся в речной воде, теперь освещали застывший лед.

Сена одновременно утратила движение, голос и сияние.

Это мгновение, когда всепобеждающий холод сковывает движение реки, потрясает до глубины души. От одного вида бескрайнего летаргического сна сразу сжимается сердце. Мало кому удавалось наблюдать последний момент борьбы зимнего холода с речным потоком, неустанно ищущим на глубине все новые источники тепла. А все потому, что мороз предпочитает сковывать воду по ночам, и ночи эти до того холодны, что любой парижанин пребыванию на улице предпочитает глубокий сон под одеялом или бодрствование у камина.

Виконт на миг отвлекся от своих мыслей.

– И на этого исполина нашлась управа! – прошептал он. – До чего сильна рука Господня!

«Таков и человек, – подумал он, вспомнив о своих тревогах. – Сколь непродолжительно время, когда фортуна благоволит ему. Ту часть жизни, когда все складывается легко и приятно, можно уподобить лету... Но приходит час, когда все резко меняется. Судьба, словно хищная птица, хватает его безжалостными когтями, из которых сколько ни бейся, вырваться невозможно. И вот уже кровь стынет в жилах и мысль угасает. Наступает зима!»

Он обнажил голову, подставил ее холодному ветру, и вновь предался своим невеселым мыслям. «Но вскоре солнце согреет землю своими лучами, а проснувшаяся река взломает

ледяные торосы... Вслед за зимой придет весна... в судьбе человека периоды несчастий сменяются радостью и удачей... Я многого достиг после того, как вступил в зрелый возраст... не думаю, что пробил мой час, и, клянусь, я буду драться, как лев, пусть даже мне придется признать себя побежденным! Однако время поджимает, пора узнать, что этому человеку от меня надо».

Он выпрямился и прошелся по тротуару, пытаясь взять себя в руки и силой воли унять нарастающее беспокойство. «Она и впрямь похожа на Хеллен, – со страхом подумал он, – и мне даже кажется, что я ее люблю... возможно, за то, что она оказалась единственной женщиной, способной без содрогания выносить мой взгляд... Она признала во мне будущего мужа... но как сильно она отличается от Хеллен, которая по-настоящему любила меня!..»

Тут ход его мыслей прервался, и он прислонился к парапету. «Похоже, у меня звенит в ушах!.. – подумал он. – Такое ощущение, что кто-то назвал меня вором... и трусом!..»

Несколько минут он стоял, склонив голову на грудь. Неожиданно рядом с ним прозвучал знакомый голос:

– Господин виконт, я пришел и я к вашим услугам.

Рядом с ним стоял закутанный в плащ Джордж Лесли.

– Я ждал вас, – пробормотал Анри; затем добавил, плохо понимая смысл своих слов: – Я люблю ее!.. Я уверен, что люблю ее!

– Ну что ж, сударь, – немедленно отозвался Джордж, – все к лучшему, ведь она станет вашей женой... На какой день назначена свадьба?

– Дайте руку и пойдем отсюда, – вместо ответа произнес Анри.

– Идем, – согласился Лесли, – в такие ночи хорошо говорить о делах... Можно быть уверенным, что нам никто не помешает.

Виконт взял его под руку, и Джордж почувствовал, как он дрожит.

– Вам нехорошо, – промолвил Джордж. – Однако вы храбро держались в особняке Буатрюданов!.. Если вы чувствуете себя больным, тогда давайте перенесем свидание на завтра, я никуда не спешу... Хотите, я провожу вас домой?

Виконт ускорил шаг и пробормотал:

– Я замерз.

– Сейчас десять градусов мороза, – уточнил Джордж... – В тот день, когда мы встретились неподалеку от лагеря Голден-даггеров, было заметно холоднее.

Анри вздрогнул и резко остановился.

– Когда я в таком состоянии, – с трудом выговорил он, – меня даже ребенок сможет убить... Если вы граф де Розен, тогда не теряйте времени и воспользуйтесь случаем.

Лесли расхохотался.

– Я так и знал, что подобная мысль придет вам в голову! – воскликнул он.

– Вы ведь сами сказали, что мы встретились неподалеку от лагеря Голден-даггеров!..

– Я был среди тех, кто нес носилки, на которых лежал граф Альбер... Посмотрите на меня внимательно. Узнаете?

В этот момент они проходили мимо одиноко стоявшего газового фонаря, который едва освещал площадь Карусель. Виконт ничем не рисковал, когда предлагал Лесли убить его, поскольку площадь просматривалась со всех сторон многочисленными стражниками и не годилась для американской дуэли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.